

Лариса Бабиенко

Как живется вам без СССР?

«Алисторус»

2013

Бабиенко Л. Т.

Как живется вам без СССР? / Л. Т. Бабиенко — «Алисторус»,
2013

Лариса Бабиенко – публицист и драматург, родилась в г. Андижане Узбекской ССР. В советское время печаталась в журналах «Юность», «Сельская молодежь», «Сельская новь». А ныне – главный редактор газеты «За СССР», девиз которой: «Ни один человек и ни одна республика СССР не стали для нас бывшими!». Всеми публикациями на страницах газеты главный редактор старается поддержать осмеянного и униженного советского человека, вернуть ему уверенность и прежнее достоинство. Новая книга автора «Как живется вам без СССР?» – летописное полотно, посвященное трагическим страницам разрушения Советского Союза.

© Бабиенко Л. Т., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

Предисловие	5
Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лариса Бабиенко

Как живется вам без СССР?

Предисловие

На краю леса у обрыва, будто статная красавица на подиуме (какова собою!), замерла сосна, крепкая и могучая. Лесник с ходу определит ее возраст – лет сто. Но это по лесным законам – почти молодость. Жить ей еще долго, хотя сучья внизу обломаны, ажурная крона только у вершины. По янтарному стволу уже торчат сухие ветви, а понизу и вовсе – почерневшие от времени ости. Вроде они и не мешают дереву, но и не опадают вовсе, как бы напоминая, что были когда-то свежими и первыми ветвями у дерева. А это похоже на зарубки первых увлечений и симпатий человека!

Видим, стоит он на лужайке еще мальчишкой, оглядывается с любопытством вокруг, тем более что же там – вдали? Вот потянулся к солнцу, упрятал от ветра свои вихры, тряхнул головой и, ощутив неожиданную силу, побежал на окраину леса. Глядь, и подрос за лето так, что уже не боится ни зимы, ни ветра, ни соседей негожих, от которых теперь легко отмахивается, будто от неожиданно налетевшего хулигана. На другой год росту уже в нем столько прибавилось, что уверенно оглядывает он теперь бугры, овраги и бегающих по лесу грибников.

И вот у ствола крепкого, пахнущего целебной смолой, присел на траву у обрыва паренек уже с девушкой, спустя какое-то время гуляет он тут с дочкой, шустро бегающей за капустницей. Мимо деловито скользит уж, прошел со стадом пастух, крикнула в речной протоке утка, вспорхнул жаворонок, глотнула свежего воздуха береза. Все вокруг ярко, свежо, первородно.

Но с годами эти впечатления увяли, утратили свою значимость и первоначальность, детали тех дней осыпались в забвенье, как пожелтевшие хвоинки в траву, где их уже не отыщешь, разве что редкую из них увидишь в сухом покрове.

Я наклонилась и подняла из забвения все, что за долгие годы пережила сама, а со мною и моя страна. Мне не хотелось, чтобы в историческое беспамятство выпали не только лучшие, но и трудные ее страницы, те крепкие ветви огромного сильного дерева – моего государства, которые вдруг насильно отчего-то обломали и выбросили прочь. Однако следы от них, как значимые, важные прежде впечатления, навсегда остались в моей памяти.

Не каждому дано – забыть... Мимолетные впечатления, конечно, теряются, как порывшие хвоинки в траве. Но и эти сторевшие хвоинки – те моменты, которые пережили многие люди в свое время. Им, этим трудным и трагическим мгновениям, и посвящена моя книга.

Первые ростки Новой пролетарской литературы после разрушения Советского Союза... вот они, налицо!

Глава I

Загадка на семи баобабах, или Уравнение Шредингера

Как-то Хади сказал знакомой девушке:

– Я приехал из страны, где два Нила сливаются в один, а дети играют ананасами в футбол.
– В футбол... ананасами? – изумилась Анна, которая пробовала этот плод раз в жизни, и он показался ей сказочно вкусным. – Вот это жизнь! Где ж такая страна?

– В песках Африки, южнее Египта. Место, где я родился, называется «Деревня у воды», значит на берегу Нила. А ты?

– Я?... – Анна какое-то время подбирала слова, чтобы романтичнее рассказать о своей родине. – Понимаешь, мама во время войны оказалась в Узбекистане, в итоге я родилась... под гранатовым деревом!

Конечно, девушка умолчала, что родилась в обычном роддоме, в далеком и еще незнакомом для ее матери городе. После родильного дома ее мама со свертком на руках вначале несколько дней спала под вагоном, но через неделю в военкомате дали-таки жилье – комнату в восемь квадратных метров, которую пришлось делить еще с одной беженкой. Когда же кончилась война и многие эвакуированные вернулись в родные места, мать Анны получила большую светлую комнату, под окнами которой в память о переезде и был посажен гранатовый куст с такими чудными алыми кистями по весне, что век не забыть это одно из лучших творений природы.

– В детстве, когда я читала сказку про доктора Айболита и реку Лимпопо, конечно, мечтала попасть в Африку и сорвать банан прямо с ветки, – рассказывала Анна своему спутнику и добавила игриво: – Впрочем, я туда еще попаду, и в голубом платье непременно прогуляюсь вдоль Голубого Нила, а в белом – вдоль Белого Нила.

– Ну, – изумился Хади, – ты сможешь приехать в мою страну?

– Не только в твою страну. Я вообще... – Анна задрала голову, ткнула пальцем в дальний угол Вселенной и безапелляционно заявила: – Я буду вести первый репортаж на Марсе!

– Неужто?! – воскликнул он. – Ну и масштабы у тебя!

– Не у меня, – возразила девушка спокойно. – Это масштабы человечества. А моя страна от него не отстает. Даже впереди прогресса мчится.

К полудню мороз усиливался. Сюда, к глубокому оврагу над рекой, не доносился ни один звук с бегущей поверху дороги.

– Когда я впервые увидел снег, – рассказывал Хади, восхищенно поглядывая на деревья в серебристом инее и кусты, похожие под снегом на огромные белые розы, – то подумал, что с неба падает абрэ, мука, из которой моя мать делает напиток.

– Кто твоя мама? – поинтересовалась Анна.

– Крестьянка.

Дальше он сообщил, что мать его владеет полем, на котором вместе с детьми выхаживает хлопок. Хади тоже в детстве собирал хлопок и помогал продавать его.

– Вечерами мама на молитвенном коврике, просит помощи у аллаха, чтобы перекупщики не обманули ее. В доме четверо детей.

– И помогает?

– Кто?

– Ну, к кому она обращается, стоя на коленях?.. – замялась Анна.

– По-разному. Иногда... мама очень плачет.

– Где твой отец? Почему он сам не продает хлопок? Мужчину труднее обмануть.

Молодой человек замялся.

– Понимаешь, – смущенно объяснил он. – У нас в стране многоженство. У папы еще две жены. В общем, у меня еще много братьев и сестер.

– Бедная женщина, каково ей пришлось! – Анна была в шоке и спросила с болью в голосе: – Как живет, что думает твоя мама, зная, что у мужа она не одна?

– Таковы у нас обычаи.

– Зачем они вот такие?

Будущей журналистке тут же захотелось дать бой на страницах газеты подобным обычаям, чтобы навсегда вытряхнуть мужчин из этой подлой, но очень удобной для них ветхозаветности.

– На земле уже двадцатый век! – возмутилась она.

– В нашей стране это норма... Отец – юрист, нормально зарабатывает, немного своей первой жене помогает.

– Немного? Ему самому немного бы помогать с детьми на руках.

Хади тихо попросил:

– Не надо, это же мой отец...

– Тоже будешь многоженцем? – гневно спросила Анна и повернулась лицом к своему спутнику.

Парень рассмеялся, успокоил спутницу и объяснил:

– У нашего поколения это уже не принято. Мы – цивилизованные ребята. И по нынешней жизни, говорят мужчины, одну жену с детьми трудно содержать и кормить. Не переживай, у меня будет одна жена...

Хади не сводил взгляда с одиноких снежинок, медленно падающих на его темные и теплые ладони.

– Вчера мама прислала письмо, – сказал он и вытащил из кармана конверт. – Она спрашивает, правда ли, что в России люди с хвостами?

– Неужели так и написала? – рассмеялась Анна. – В вашей деревне еще такая дикость?

Подул ветер, ели потрянули снег на головы прогуливающейся вдоль реки пары.

– Конечно. Так и написала. Маме никто не читал «Капитал», ей с детства читали только «Коран». Грамотности большой в нашей деревне нет. Но маму я свою очень люблю.

Засунув руки поглубже в карманы, студент с гордостью уже рассказывал о том, что его прапрадед был вождем племени, и когда к излучине Нила прибыл отряд англичан, в составе которого был юный и наглый капитан, вождь племени в ответ смело повел своих людей на захватчиков с тесакami и кольями в руках. Конечно, все они погибли. Англичане впервые опробовали на живущих в нубийских песках африканцев автоматы системы «Максим». Спустя много лет тот дерзкий капитан – Уинстон Черчилль – написал книгу под названием «Война на реке», в которой подробно рассказал о тех сражениях. Только забыл рассказать о том, как в те дни его соотечественники косили невинных людей тысячами.

Много древних цивилизаций сменили одна другую в Нубии, и уже первые найденные в ее песках останки свидетельствуют о какой-то борьбе. Пятьдесят восемь скелетов, покрытых тяжелым слоем песка и камней, найденные к северу от Вади-Хальфа, были с повреждениями на костях. Рядом – наконечники стрел. Немало нубийцев, соплеменников храброго вождя, людей в ослепительно белых просторных одеяниях, погибли и в те времена, когда вниз по Нилу уходил последний отряд англичан. Среди погибших опять было немало родственников Хади.

– Я же сам немного помню Вторую мировую войну.

– Каким образом? Вы были далеко от всех фронтов.

– Фашисты, если ты помнишь, пришли и в Африку. Зачем-то им понадобился целый мир. Тогда от нашей долины на помощь египтянам в битве под Аль-Аламейн из нашей провинции послали... сто слонов.

– Что послали?... – удивившись, спросила Анна.

– Да, да... – подтвердил Хади. – Я помню, как караван шел мимо нашей деревни. Глядя на погонщиков с автоматами в руках, моя мама горько плакала. Я впервые тогда услышал слово... война.

Вагончики метро над белой пропастью шустро бегали с одного берега на другой.

– Нелепо, правда? – понял мысли девушки Хади. – Бронетанковый корпус Роммеля и... сто слонов. Но что еще тогда могла дать моя Нубия? Мы же были колонией. Главное – в другом. Наш народ тоже был против той войны. Среди погонщиков слонов был и брат моей мамы. Он не вернулся, навсегда остался под чужим танком.

Насмешливая улыбка тут же сползла с лица Анны.

– Значит, и у вас почти все мужчины погибали в этих проклятых войнах? – задумчиво спросила она. – Мой отец, артиллерист, погиб на войне в те же годы. Он даже не узнал, что я родилась. Подорвался на mine.

Теперь Хади во всем был понятен Анне. Она словно наяву увидела, как от тяжеленного труда, будто стебелек под косой, падала вечерами его мать. Как в редкие минуты отдыха она радовалась тому, что растут ее дети, как в сыне ее, самом младшем, копят энергию, мысли, сила. Та сила, которая поможет потом мальчишке вырваться с того пятака земли, на котором – лишь жесткая подчиненность нужде, люта́я зависимость от дождя, ветра, песка, то и дело норовящих схватить за вихор и лихо потрепать и человеческий, и хлопковый росток.

– Ответь, – поинтересовалась Анна, – почему ты приехал в Россию?

– Не любил уроков истории в колледже.

–?!!

– Да, так. Наш учитель истории говорил, что Англия сыграла решающую роль в победе над Гитлером. А я не люблю ложь и сказал ему, что не хочу быть чернокожим англичанином. Не хочу повторять за ним историческую неправду.

– Так и сказал?

– Конечно. Ты даже не представляешь, как мистер Джонс тогда кричал на меня. Он орал мне прямо в лицо, как рабу. Он кричал, что Россия – нищая и никого не могла победить. Тогда я решил, что непременно сам узнаю, что такое Россия.

– И после этого прямо к нам через моря и долины? – опять начала подшучивать Анна.

– Немного не так. Мне повезло, – спокойно ответил Хади и пояснил, что к тому времени, когда он закончил колледж, Молодежная Лига компартии объявила в стране конкурс на поездку в Москву. Конечно, можно было найти ребят и в самой столице, более подготовленных, но десятки коммунистов с черной кожей, рискуя заболеть сонной болезнью, малярией, оспой, пробирались вдоль рек и озер, чтобы и в глухих деревенских местечках найти умных и толковых подростков.

– Тогда был огромный конкурс. Но голову мою, как видишь, заметили.

– Какой скромный, ну прямо... Ландау! – шутливо восхитилась Анна и спросила с лукавинкой в голосе: – Выходит, верно пишут в книгах, что человек из твоей страны непременно строен, высок, горд и имеет собственное достоинство?

– Книжки тебе не все сообщили, – в тон ей ответил Хади, – например, то, что наши дети возвращаются из школы на слонах.

Изумлению Анны не было предела.

– Неужто? Вот бы покататься на слоне!

– И ты этому поверила? – рассмеялся парень и не менее девушки изумился тому, что житель России может верить любой ерунде.

– Нас еще спрашивают на встречах, – добавил он, посмеиваясь, – растет ли в Нубии лук и водятся ли у нас обезьяны?

На другой тропке темнокожие девушки учились кататься на лыжах. Они падали, весело смеялись, кидались снежками.

– Ты тоже кое-что о моей Родине не знаешь... – заметила скромно Анна.

– Я уже здесь несколько лет, чего же все-таки не знаю?

– Видишь, ковыляют девчонки на лыжах? А ведь существуют лыжи не только для ног, но еще для локтей и коленей. Они нужны во время войны как дополнительный резерв для выживания.

– И впрямь не знаю! – согласился Хади, пригляделся к незадачливым лыжницам. – Из моей страны девушки! – поздоровавшись с ними, сказал он и добавил: – В медицинском учатся. Знаешь, каково досталось первой медсестре в нашей стране?

Мусульманские обычаи, оказывается, запрещают женщине касаться чужого мужчины, ее в таком случае считают уличной девкой. Сит Хаву родственники мужа выгнали на улицу с маленьким ребенком на руках. Ей в ту пору было... 14 лет.

Анна, конечно, поморщилась, произнесла сердито:

– Ну и дикость!

– Да, – согласился он, – представляешь теперь, сколько сделала наша компартия, чтобы эти девушки могли спокойно учиться в Москве и потом работать в своих городах и поселениях.

В небе прямо над ними мелькнула звезда и погасла. Опять мелькнула и погасла.

– Гляди, спутник-100 летит! Когда я улетаю из дома в Россию, запустили только первый.

– Знаешь, о чем мечтали люди, которые многое сделали для того, чтобы мы учились в Москве?

– О чем же?

– Они мечтали дождаться того дня, когда с земли Африки поднимется в небо первый межпланетный корабль!

– Ничего себе!

Молодые люди подошли к маленькой церквушке над рекой, необыкновенно украшавшей набережную своими веселыми куполами. В общежитии студенты с гордостью рассказывали друг другу, что в ней венчался Кутузов.

– Не хватанули у вас лишнего насчет такой мечты? Еще Советский Союз не отправил меня в Галактику, а ты мечтаешь уже о том, чтобы рядом со мной летел межпланетный корабль из Африки.

– Почему бы и нет? – вспыхнул Хади. – Да, – согласился он. – Африка упустила эру пара, эру электричества, но мы, черные коммунисты, сделаем все, чтобы наш континент ничего больше не упустил! Ты хочешь на Марс? Полетим вместе. Будешь варить кашу, штопать плащ-палатку и вести свои репортажи.

– Давай пока опустимся на землю, – предложила Анна. – Скажи, какие птицы у вас летают?

Темные глаза Хади стали вдруг такими бездонными, будто до самого доньшка высветили их тонкие лунные блики. От воспоминаний о Нубии он стал каким-то неладным, оцепенелым, будто внутри его что-то кликнуло, почуялось, и нет уже сил увести себя – ум, душу, чувства – в сторону, чтобы хоть на минуту вернуться в реальность.

– Как хочется домой! – жалобно заметил парень.

– Туда вроде и перелетная птица не летит.

– Мужчина без Родины – ноль. Птица, может, и мимо пролетит, но меня дома многие ждут. Я должен вернуться.

Лунные дорожки то и дело ныряли под черные тени берез, которые, будто их собственные впечатления, показывали то темные, то светлые стороны жизни. И в этой жизни, какой бы она ни была, им выпало нынче жить, потому их обоюдное знакомство с миром было бесконечным.

– Скажи, – вымолвил как-то Хади, – ваши республики – это колонии?

Анна оторопела.

– Какие колонии? – изумленно спросила она и объяснила, что девушек и парней коренной национальности из республик часто принимают в столичные институты без конкурса, хотя знания у них бывают слабоватыми. Но... там, на местах, нужны высококвалифицированные специалисты. – И добавила с горечью: – У меня, славянки, этот конкурс отнял несколько лет жизни. Я поступила в университет лишь на третий год. Представляешь?

Через минуту она усмехнулась:

– Ты б видел Узбекистан! И это колония? – возмутилась девушка и уже с пафосом рассказывала о том, какие в тех краях школы, библиотеки, театры в республике – на всех языках! – Везде больницы, фабрики... Ты б видел, какие там стройки, сколько электростанций, заводов!

– Да, я был в Ташкенте. Очень большой и красивый город!

– Ну, я правду говорю?

– Да!

В те дни и Анне довелось многое узнать о Родине Хади, о том, что в его краю – восемь месяцев жара, остальные – жуткая жарница, а у местных людей существует обычай: при встрече бережно обниматься и надолго застывать в молчании, глядя широко раскрытыми глазами через плечо друга. Но жителям этой страны надоело уже видеть через дружеское плечо то западно-германский капитал, то английский, люди нынче везде активно тянутся к прогрессу и демократии, потому и возникла в стране компартия, кстати, нынче самая влиятельная на континенте. Бывает, что какой-нибудь богатый феодал приходит к генеральному секретарю и просит:

– Возьми моего оболтуса в свою партию и сделай из него человека. Не пожалей сил. Заплачу тебе вот...

Феодал показывает рукой, мол, от пола до подбородка отсыплю долларов.

– Партия и без вступительного взноса работает с людьми, – отвечает с улыбкой на лице Махджуб. – Но мы сделаем из него коммуниста, не боишься?!

– Э-э, дорогой, что коммунист? Пусть так, лишь бы марихуану не курил. Пошли его куда-нибудь учиться.

– Если выдержит конкурс...

– Какой конкурс? – вопит богатый скотовод. – Где твоя Лига? Я всем ее членам деньги дам, пусть мой сын будет без конкурса.

– Без знаний невозможно...

Анна смеется, машет рукой:

– Ладно о феодале. Расскажи лучше о себе. Ты на все лекции ходишь, не отлыниваешь?

– Очень люблю лекции Ландау. И еще Якова Терлецкого. Он мой руководитель. Слушай, – интересовался теперь Хади, – почему ваши студенты ездят на целину? Это повинность? У нас ненавидят трудовую повинность... Однажды нашим крестьянам приказали строить дорогу: мимо собирался ехать английский губернатор. Наша деревня не тронулась с места, и всех потом оштрафовали. Почему у вас интеллигентные люди должны ехать в дикие места и выполнять чужие приказы?

– О мир элементарных частиц! Как ты не понимаешь? Почему бы студентам и не поехать? Там весело. Все такие дружные. Люди поют, рассказывают анекдоты, работают. Я сама поехала со своим курсом на целину. Меня никто к этому не принуждал.

– Не понимаю все же... пусть едут те, кто голодает, но тебе зачем?

Анна уже рассказывала, что целинный совхоз – это бесконечные поля пшеницы, обилие шампиньонов в степи, чудные березовые колки вокруг. Около одной из таких прохладных рощиц студенты факультета журналистики поклялись местному бригадиру Автюкову, что до осени непременно создадут совхозным свиньям почти человеческие условия, в том числе, комнату для матери и поросенка, а сами при этом обещают «не хрюкать», какие бы трудности не выпали на их долю.

Здоровый рослый Автюков, по его поводу в деревне шутили, что он один заменит на земле взвод солдат или трактор «Беларусь», целое лето охотно покрикивал на своих подопечных:

– А ну быстрее, рахитики! Надо щедрее работать, щедрее давать! Учтите, каждая щель – это ведро воды на поросенка. Штукатурьте стены лучше, еж твою кубрялка!

Все лето студенты охотно бегали за раствором, заливали бетоном опалубку, добросовестно, чтоб не оставить просвета на крыше даже с копеечку, замазывали глиной камышовые маты.

К вечеру на руках вспыхивали бесконечные волдыри, ресницы в глине шлепали по лицу, как калоши, но после ужина все бежали в степь, плясали у костра лихие твисты.

– Знаешь, как мы там пели? И песни сочиняли:

Догорают осенние листья
И полынные травы горчат,
Тихо-тихо поют журналисты,
Не умеющие молчать.

Анна изображала, как мальчишки бренчали на гитарах, какой огромной была степь вокруг и как они превосходно себя там чувствовали.

– Но лично тебе что дала целина? – спросил строго Хади.

Девушка долго не тянула с ответом.

– Щеки, из-за которых ушей не видно! – выпалила она. – Нас там вкусно кормили!

– И все? За тяжелый труд вам ничего не платили?

– Почему? Видишь эту шубу? Я купила ее на деньги, которые заработала на целине.

– Тогда почему о деньгах ты говоришь в последнюю очередь?

Такой примитивный вопрос удивил девушку. Она пожала плечами и робко заметила.

– Деньги – вроде не самое главное в нашей жизни...

«Убедила его или нет?», – смущенно думала в это время она, желая все-таки объяснить, что бескорыстие – совсем неплохая субстанция, если и вокруг тебя жизнь такая же, а почти все ребята рядом насмерть были лишены какой-либо алчности, и вообще, главное, когда есть с кем петь песни, улыбаться, дружить, да еще и любить.

Африка... В детстве она была для Анны страной Лимпопо, в которой добрый доктор непременно побеждает злого Бармалея. Потом как-то удивилась, почему так красиво называется река: Голубой Нил?

– Он не голубой, он мутный, – заметил Хади.

– Неужто? Почему?

Познакомившись с Хади, Анна то и дело задавала вопросы: какого цвета земля в Африке, как выглядят листья финиковой пальмы?

– Скажи, что такое африканский социализм?

– Перераспределение частной собственности, однако, не ликвидация ее.

Укоризненно, будто Хади лично виноват в таком половинчатом решении, она спросила:

– Отчего же не ликвидация?

– Какой феодал позволит, чтоб у него отняли поле, даже если оно очень большое? Этот вопрос решить, чтобы никого не обидеть, практически трудно.

– Но в России решили...

– Очень сложной ценой... И тогда решить бы его мягче. Чтоб ни один пласт людей не давил на другой.

– Как это можно, если хочешь, чтобы в стране жили все, а не существовали многие? Частная собственность разве не расправляется с людьми? Батракам в России прежде почти

ничего не платили. Или давали за тяжелый труд такие гроши, что хватало жить лишь на соломе, притом на чужой. Этих людей не жалко? Кто их защитит? Они и восстали. Много было на земле восстаний, и только в моей стране за всю историю человечества рабочие победили!

Молодые люди уже были в общежитии, на том этаже, где жили физики. Девушки здесь были редкостью, тут они гляделись в диковинку. Лишь в комнате Хади собеседники перестали ощущать неловкость и могли спорить дальше.

На столе рядом с учебником по квантовой механике лежала книга французского философа Сартра. Хади наклонился над ней, перевернул страницы, потом воскликнул:

– Гляди, а ведь ты права! Посмотри, что пишет Сартр...

– Что?

Хади уже переводил с английского.

– «Бунт – всегда прав!».

– Вот видишь, я же говорила! – обрадовалась Анна, но через минуту задумалась.

– Странно видеть такие четкие определения у этого писателя, – проговорила она. – Сартр ведь – за свободу выбора, хочешь, живи с идеей, а то и вовсе без идеи живи. Любой поступок, даже гнусный, философ не осуждает. Что это за свобода, если она не ощущает ценности того или иного поведения?

– Налицо теорема относительности, – охотно ответил ей студент физфака. – Все в этом мире относительно, все можно изменить, если применить эту теорию к жизни. И тут же меняются принципы.

– Ой, только не надо! – взмолилась девушка. – Лично я категорически против такой свободы, – спорила с Хади, уже и с Сартром она, объяснив, что с ее точки зрения, если у тебя мать, жена, ребенок, и не заботиться о них – это свобода недочеловека. – Какая может быть у каждого свобода? Свобода быть свиньей... Объясни? Свобода – это иллюзия, мираж...

«Один – и свободен, – продолжал Хади цитировать Сартра. – «Но эта свобода напоминает смерть».

– Ага, значит, свобода приемлема только на кладбище?

Теперь эту книгу они читали вместе и удивлялись тому, как философ, даже с житейской точки зрения, все время противоречит себе, к примеру, утверждая, что «человек обречен на свободу».

– Я не хочу никакой обреченности! – вопила Анна.

Но если ты родился, спорили молодые люди друг с другом, ты уже не свободен, ты зависишь от дождя, солнца, от своей профессии. Ты обязан хоть чему-то всерьез учиться, чтоб не висеть на шее других. Твои дети каждый день хотят есть, их надо лечить, водить к врачу, вместе с ними сидеть над тетрадками. Какую свободу от общества и людей предлагает Сартр? Свободу как у обезьян? Но в стае животные тоже заботятся друг о друге.

– В природе вообще нет такого понятия, как свобода, – утверждала Анна. – Это буржуазная выдумка, чтоб оправдать любое насилие, подлость, даже войну.

– Что тебя не устраивает, – насмешливо заметил Хади, – так это буржуазия придумала... Вольтер сказал, – напомнил Хади, – «я не разделяю ваших взглядов, но готов отдать жизнь за то, чтобы вы имели возможность их свободно высказывать».

– Сплошная демагогия – рассмеялась Анна и возразила: – Если бы Вольтер знал, что племянница уморит его в старости голодом, оценил бы ее предварительные ласковые слова иначе. Вряд ли философ отдал бы жизнь за свободу подлой бесцеремонности, за свободу голода. Свобода нужна только негодяю.

Этот горячий спор неожиданно закончил глядевший на собеседников с портрета книги Сартр, который со страниц своего эссе изрек нечто для них примиряющее, хотя бы на короткое время, то, что остудило бы даже буйные головы: «А ну, познания человеческие, поглядим, кто кого!».

Часы на руках Хади говорили о том, что пора расставаться, пора Анне уходить на север, в свой корпус, в свою комнату. Перед уходом она внимательно глянула на фотографию, стоявшую в рамочке на столе.

– С кем это ты на фото? – спросила девушка.

– С двоюродной сестрой. Видишь, как мы похожи.

Хади тут же вытащил из чемодана маленький альбом, показал портреты матери, сестер. Вот тут он совсем ребенком играет с той же девочкой во дворе.

– Это дочь маминой сестры. Потому мы похожи друг на друга.

Вспомнив, как много зачетов надо сдать в предстоящие дни, сколько еще придется сидеть в библиотеке, Анна предложила следующий раз встретиться в столовой.

– Почему? – не понял он.

– Нынче сессия, тысяча книг в одну ночь... Беседы со знакомыми могу вести только за обеденным столом.

Хади рассмеялся.

– Обещаю три раза в день приходить в столовую!

Тихо потрескивали на шестнадцатом этаже стекла окон. На них мороз уже набросал звезды, ели, папоротники, и даже пальмы, фантазийно объединив на маленьком пространстве растительность чуть ли не всех континентов. Далеко внизу слышался рокот автомобиля, за стеной умолкло радио, и такая тишина разлилась по многочисленным комнатам общежития, что девушка, будто запоздавшая Золушка, опрометью бежала по лестнице, чтобы быстрее оказаться на своем, отведенном ей нынче временем пространстве, будто в шатре царя Гвидона, теплом и надежном.

За стеной комнаты включили магнитофон. Песни американской певицы Джоан Баэз в течение часа зывали к миру, богу и справедливости, но эти энергичные песни не успокаивали Анну, а растрavляли душу больше и больше. Причина для этого была. Хади весь день не звонил, не объявился он и к вечеру. Не случилось ли что-нибудь?

Лифт застревал на каждом этаже и опускался так медленно, будто лифтер сдавал экзамен по технике безопасности. В кабине уже шутили, что, мол, на оленях все же лучше.

Наконец-то Анна оказалась на нужном ей этаже.

– Come in, – ответили ей. – Войдите!

Облако густого сигаретного дыма тут же заволокло гостью. В комнате говорили очень громко, все время крутили рычажок радио, и, если при этом лилась веселая музыка, почему-то по-русски и по-арабски крепко ругались.

– Что случилось?

– Тсс... потом...

Наконец-то началась долгожданная передача последних известий.

«Никакой связи со столицей страны не имеется, – взволнованно говорил диктор. – Аэродром и телеграф охраняются. По сообщениям английского радио, в стране взяла власть в свои руки военная хунта».

Самым храбрым, судя по прежним рассказам Хади, был в этой комнате геолог Аид. В экспедиции, в геологической партии на Кавказе он однажды шел с котелком за водой к ручью и вдруг нос к носу столкнулся с медведем. От неожиданности и от страха Аид поздоровался со зверем по-арабски, потом по-русски. Не забыл приветствие и на английском. Медведь крякнул, рывкнул и... присел. Видимо, с таким полиглотом в горах он еще не сталкивался. Парень в это время спокойно прошел мимо.

Нынче Аид прямо-таки приник к радиоприемнику.

Нервно взглянул на товарищей студент из Литературного института Осман. Его стихи о родине и свободе в эти дни публиковались во многих советских журналах. Халим с биологического взволнованно поглаживал волосы.

– Что же делать? – тревожился физик Мухаммед. Высокий, тонкий, изящный, как рисунок восточной графики, этот парень нравился многим. И в первую очередь, конечно, университетской дирекции. Поэтому, как только он женился, ему сразу же дали для его молодой семьи лучшую комнату в общежитии. Слово на митинге, путевки в Коктебель, билеты в Большой театр – все в первую очередь выпадало Мухаммеду. Многие завидовали этому баловню судьбы!

Но спокойным в этой комнате выглядел лишь однокурсник Анны – Рахман. Он и на лекциях, как египетский сфинкс, бывало, не шевельнется. Как ни заглянешь в его тетрадь, в ней написаны лишь два слова: «марксизма-ленинизма». А Рахман в это время величественно изучает афро-арабскую периодику. Потом жуликовато и хитро просит кого-нибудь: «Напиши шпаргалки, моя хабиба...».

Видите ли, моя любимая!

«Отодвинуть бы в сторону арктического льда все мерзкие хунты...», – думала в это время Анна. Ведь ей так не хотелось видеть людей, которые набились в комнату Хади, понурыми и невеселыми. И, чтобы хоть немного их отвлечь от печальных известий, она вдруг насмешливо выпалила:

– Ну, какие у вас революции, ребята? Сломают на улицах несколько пальм, погоняют из одного Нила в другой крокодилов, а на утро – покой, тишина...

В ответ – гомерический, вот-вот брызнут стекла окон, хохот.

– С ума сошла! – вскочил со стула биолог Халим и возмутился: – У нас, видите ли, только пальмы ломают, у нас только подобие революции... Настоящая была только у вас, да?!

Хади не дал в обиду Анну.

– Конечно, у нас ломают пальмы, – вроде бы согласился он с девушкой, но через мгновение возразил и добавил жестко, что потом ими ломают головы, позвоночники...

– Ломают судьбы народов, понимаешь? У целой страны опять отнято будущее, – вставил гневно Осман.

– Кто она такая? – возмутился и неприязненно глянул на гостью Халим. – У нас тут свои дела...

Однокурсник Анны мгновенно утратил свое хваленое равнодушие, отложил газету в сторону.

– Хватит, – остановил его Рахман, добавив, что девушка живет в стране, в которой за целую жизнь не услышишь ни единого выстрела. Потому у нее и столь добродушный взгляд на мир.

Рахман рассказал вроде незначашее, вспомнив, как недавно работал в их стране собкор Володя, который прислал в редакцию африканской газеты сообщение о том, что в аэропорту далекого русского города Новосибирска уже объявили посадку на самолет, но Ил-118 почему-то не взлетал, а стоял еще час, хотя экипаж получил разрешение на взлет. Пассажиры, конечно, забеспокоились, но им объяснили, что на полосе гуляет лосенок и дежурные ждут патрульную машину, чтобы отправить животное в лес. Что вскоре и было сделано, а ИЛ благополучно взмыл в воздух.

Вскоре Володя увидел свое сообщение в печати и вихрем ворвался в редакцию.

– Кто переводил? – с порога уже взвыл он. – Это же грубейший ляп! Это ошибка...

Местный редактор взял в руки газету.

– Где ты увидел ошибку? – спокойно спросил он. – Так и у тебя написано. Все верно.

– Верно? – наступал на редактора собкор. – Я написал, что на полосе гуляет лосенок. Понимаешь, лосенок...

– Ну и что?

– Ты же перевел, что верблюжонок. Но в Сибири нет верблюдов.

– А у нас нет лосей, – спокойно возразил африканский редактор. – Наши люди не понимают, что такое лосенок. А верблюжонок... гуляет на полосе около самолета... это понятно нашему читателю, это смешно...

Друзья Хади, окунувшись было в мир печальных известий, повеселели.

– Ты когда-нибудь видела автомат? – обернувшись к девушке, спросил Рахман: – И как из него стреляют?

– Нет, – ответила Анна, удивившись вопросу.

– Вот почему советскому человеку трудно представить себе жизнь в нашей стране, – объяснил Рахман землякам и повернулся к госте:

– Ты была когда-нибудь в саванне и знаешь, что там происходит?

– Конечно, нет...

– Представь себе...

Граница страны. Раскаленные горы, колодец, верблюды. Возле них караванщики. А в пещерах под брезентом мешки.

– Когда поднимешь брезент, что там увидишь? Детей, – с горькой ухмылкой добавил Рахман. – Десяти-двенадцати лет. Украденных. Кто-то из них плачет, кто-то стонет, иной ребенок просто умирает. В мешках. Это контрабанда живого товара, это невольничьи караваны из Черной Африки на Арабский Восток. Рабство на земле еще не кончилось! Хотя об этом в газетах почти не пишут. Но как только появляется в печати такой материал, журналиста убивают. А мы такую информацию все-таки даем! Потом опрометью убираемся из страны, чтобы выжить.

– В наше время? – испугалась девушка.

– Да, в наше время. И двадцатый век, к сожалению, мало чем отличается от средневековья. Правды добиться можно только сменой системы. Чтобы была она такой же, как в Советском Союзе. Вашим людям она кажется строгой, но они не пересекали Африку в детстве в рабовладельческих мешках.

Из истории Анна вспомнила, что английский фельдмаршал Китченер, в 1914 году – граф Хартумский, который руководил подавлением восстания махдистов в Судане, как-то признался, что мораль для английских войск кончается за Суэцем. И за Суэцем тогда шел страшный грабеж народов, которых англичане презрительно называли туземным населением.

– У нас серьезные революции, Анна! Помочь на африканской земле каждому, воспитать правильное сознание, аккуратно ввести человека в современный мир, превратить Африку в континент высокой цивилизации – это и есть наши задачи, задачи чернокожих коммунистов, – объяснял девушке Рахман.

За стенкой тихо звучала безмятежная мелодия вальса.

– А мир как вулкан, – взволнованно продолжал он, – кипит, выстреливает. Сейчас метнуло в нашей стране. Возможно, в эти дни мы не досчитаемся некоторых своих товарищей. Лет через десять-пятнадцать не досчитаемся многих. Но без дальнейшей борьбы за нормальную жизнь африканца наш мир – не реален.

Слова Рахмана встревожили Анну до смерти, а как еще не хотелось взрослеть, как не хотелось лишаться своей безмятежности! Но избавиться ли мгновенно от невозмутимости, если в собственной стране много лет ничего не происходит: цены в магазинах, будто игрушки из «Детского мира», всегда одни и те же? Дороги и тротуары никто не минует, поезда не взрывают, самолеты летят по расписанию даже на самый дальний Восток. Лишь контролер иногда покрикивает в автобусе на безбилетников, да пьяно и дурно орет в каком-нибудь подъезде подгулявший мужик.

В этой небольшой комнатке Анна впервые поняла, что жить на земле иногда очень страшно.

– Только бы не пришли к власти исламисты, – размышлял вслух Рахман, – Только бы не они...

В ответ взорвался Халим:

– Чем тебе мешает религия? Люди охотно слушают муллу, никто зря не возьмет в руки автомат. В стране будет покой... Религия – вечна...

– О, ты больше мусульманин, чем сам Аллах?

– Никогда при исламистах не будет покоя, – возразил молчавший до этого философ Фарук. – Слушать муллу? За две тысячи лет религия что-нибудь решила в жизни людей? Хоть одну войну остановила? Построила ли заводы, фабрики, жилье?

– Как ты смеешь критиковать религию? Тебя на том свете за это накажут.

– Лучше жить на этом свете, чем на том, – отчеканил твердо Фарук. – В Советском Союзе не молились, ученым было некогда отбивать поклоны пять раз в день, они много работали и первыми запустили человека в космос! А где в это время был наш мусульманский мир? В мечетях. Мы даже детей своих в сандалии не обули. Много учится наших женщин?

К плечу Фарука доверчиво прильнула русская девушка Рая. Румянец во всю щеку, легкая прическа из густых русых волос... С каким обожанием глядела она на своего парня! За версту видно, что этих людей сблизил только чувства...

– Но ислам... это очень ценно, это достижения веков! – упорствовал Халим.

– Возможно, и ценно. Но почему верующий мусульманин лучше других, почему только он верный и только он имеет право на жизнь в целой Вселенной? Вот я стою под солнцем, оно меня больше обогревает, потому что я мусульманин? А от Раи к вечеру убегает, потому что она христианка? – вновь заговорил Фарук.

– Ах, ты вспомнил о солнце? – взбеленился Халим, покосившись на Анну, Раю, затараторил дальше. – Пусть эти белые знают, что нас солнце действительно больше любит, потому что кожа у нас черная. Нам не надо обогревать жилища. У нас вкуснее плоды. Мы живем почти в раю...

– И в Африке дольше живут люди, чем на севере, у нас лучше образование? – рассмеялся Аид.

– В раю можно и без образования. У нас три урожая в год. Можно просто жить...

– Наши предки просто и жили. И стали рабами. На целых четыреста лет. Хочешь, чтоб и твоим детям выпало такое же? – оборвал его Рахман.

Внес свою лепту в спор и Хади.

– Только законы физики управляют Вселенной. В древности человек боялся ее, потому и придумал себе подвесной потолок в виде религиозного учения. В тесном помещении комфортнее, удобнее. Огромные пространства над головой не пугают. Великий начальник сидит наверху и всеми управляет. Думать не надо. Думает за нас другой. Надо только правильно понимать чужую мысль. Своя воля не нужна.

– Но без религии никуда! – утверждал Халим.

– В древнем Египте поклонялись скарабеем, – лукаво произнесла Рая. – И кошкам. По улицам Индии бродят бесхозные коровы. Святые... А народ вокруг голодный. И не святой.

– На островах Тихого океана верили в божественность угря, содержали для них шикарные водоемы, – напрягла свои познания и Анна. – В других регионах признавали святость огня... Зороастризм – поклонение огню, процветал в прежних мусульманских краях чуть ли не две тысячи лет.

Не отмалчивался и Рахман, который изучал не только афро-арабскую периодику, он умел и поспорить, отстоять свою точку зрения.

– Религии разделяют людей, а у нас в стране много национальностей. Арабы – на севере, на юге копты, племена, верующие в колдовство. Религиозной болтовней никого не объединить.

Но мулла принимает только ту жизнь, в которой ему, будто в коконе, хорошо. Его задача – запугивать людей, чтобы ничего не изменилось. Тогда его клан в почете.

– В республиках Средней Азии семья поминает покойника каждую пятницу в течение года, – вспомнила Анна и продолжила свою мысль о том, что этот обычай – раздолье для муллы, который каждый день сыт. И огромное разоренье для обычного человека, который отвечает еще за жизнь своих детей и стариков. Через религиозные законы фактически идет обыкновенный грабеж населения.

Гости в комнате, кроме Халима, пришли к выводу, что нынче надо строить социальное, а не религиозное государство, чтобы каждому, будто в семье, жилось бы просто и комфортно.

– Религии убили не одно государство, – заметил Рахман.

– Плевать мне на твое государство! Пусть сдыхают все эти государства. Религиозное и расовое единство дороже, – безапелляционно заявил Халим, что до невероятности разозлило остальных. – Главное – это раса, – упорствовал он, – своя кровь.

Тут же вскочил со стула Рахман и закричал гневно:

– Ты – черный, и я черный, но я никогда не захочу в трудной ситуации быть рядом с таким, как ты. Самый мерзкий шантаж – полуправдой. Вроде так и все не так... И мужчина любит женщину не из-за цвета кожи. Душа, идея – вот главное...

Дело принимало крутой оборот. Хади дал понять, что уже поздно, всем утром идти на лекции.

Перед уходом Анна спросила:

– Почему Халим такой злой? Он же биолог, знает, как хрупка любая жизнь без экосистемы. А государство – это экосистема для каждого... Религия не платит пенсию, не строит дома. Религия, может, на время и успокаивает человека, но это путь в никуда. С моей точки зрения. Что он защищает?

– Так он расист. Обыкновенный черный расист. Не только религиозный, но и по цвету кожи. Белых терпеть не может. Почувствовала?

– Еще бы...

Халим и впрямь сверкал глазами, когда глядел на Анну.

– Не обращай внимания. Мы знаем, что он ограниченный человек. Над ним наши ребята уже в самолете смеялись. Ну, представь, прилетели мы в Италию...

В Риме на борт поднялся гид и предложил пассажирам, летящим в Советский Союз, осмотреть древний город. Все целый день с удовольствием разглядывали остатки Колизея, Форума, площадь Святого Марка, но вдруг спохватились, а где Халим? Может, у него живот заболел, нужно вызвать врача?

– Не надо врача, – спокойно объяснил сидевший в своем кресле Халим. – Я ненавижу белых и не вступлю без особой нужды на их землю.

– Но ведь это пустая ненависть, – заметила девушка парню, он же в ответ лишь развел руками, дав понять, что да, Халим таков, каков есть, и принимать его приходится со всеми его нелепостями. Это в России с подобными людьми никто не сталкивался, а в Судане и подобные типы есть.

Вот так, через встречи и столкновения, в спорах Анна знакомилась с миром, о котором никогда ни в одной книжке не читала, ни одним ухом даже не слышала.

– Что же Халим тогда делает в Советском Союзе? – спросила она. – Каким образом ваша партия это допустила? Может, у него богатый отец и дал кому-то взятку?

– Нет, он из бедной семьи.

И не всегда, оказывается, Халим был скверным типом. Когда-то он вступил в компартию, боролся за независимость своей страны, но кто-то его предал, донес, что этот парень – уже в руководстве партии. Халима посадили, рядом в камере оказался религиозный фанатик. Там он и сломался, хотя сам прежде рассказывал другим, какими должны быть цели у молодых ребят.

– Теперь Халим пять раз в день глядит в сторону Мекки, – рассмеялся Хади.

– Но Россия ничего не сделала плохого людям Африки! – возмутилась Анна. – Зачем в своей боли обвинять тех, кто к той трагедии не имел никакого отношения? По инерции он обвиняет и меня. Я же к тому веку, к рабовладельческому, не имею никакого отношения. Он перепутал что-нибудь?

После непродолжительного молчания Хади неохотно выдал из себя:

– Его уже в Москве кто-то оскорбил из-за цвета кожи...

– Как это?

В комнате тонкой паутиной повисла тишина.

– Лучше тебе этого не знать, – отвел он глаза в сторону...

Но диалог на этом не прервался. Девушке нужен был логический ответ.

– Почему он не едет домой, если ему у нас плохо? Почему партия его не отзовет?

– Партия ведет себя по отношению к нему благородно. Халиму дают возможность доучиться. Нашей стране нужны специалисты.

Такое объяснение не очень-то было понятно Анне. Она жила в государстве, где миллионы людей без особого труда получали высшее образование, а сотрудники всевозможных НИИ уже хвастали, что часами слоняются в коридорах своих учреждений без дела.

– У нас иначе. Нам дорог каждый специалист, который хоть что-то может сделать для людей. Вот представь себе...

Хади вновь рассказывал о своей стране, о людях, которые боролись за окончательное изгнание англичан из Нубии. Высокообразованные, толковые, они наконец-то прошли в парламент и уже приняли законы не только о запрете многоженства, но и такие, по которым будут наказывать работодателей за отказ принимать женщин на работу. Новое законодательство также поможет девушкам учиться в университете... Принятое уже не отменить, даже пришедшей к власти военной хунте.

– Каждый образованный человек в нашей стране нужен, чтоб помогать выжить другим.

Анне открывался совершенно неведомый ей прежде мир, о котором хотелось расспрашивать и расспрашивать, чтобы больше знать и видеть мир не только в его отдельных фрагментах... Но пока еще не отключили лифты, опять надо было опрометью нестись в свою комнату.

Вскоре Хади предложил:

– Давай завтра пойдем на Новодевичье кладбище. Я несколько лет живу в Москве, и ни разу там не был.

Потом Анна запишет в своем дневнике:

«Вчера ходили по Новодевичьему кладбищу. Долго разглядывали памятники, читали надписи на плитах, отмечали с удивлением: вот где похоронен педагог Макаренко, а вот могила писателя Максима Горького, революционера Подвойского...

В этот осенний день старушки поливали цветы, печально глядели на изображения родных лиц на выцветших фотографиях, но, увидев меня вместе с Хади, надолго отрывали взгляды от дорогих могил, поджимали недовольно губы и недобро перешептывались между собой. Судя по их наклоненным друг к другу головам, коренная Россия не принимала межрасовых человеческих отношений, с их точки зрения дурных и вызванных лишь моей меркантильностью.

Если рядом со старушками находились их сыновья, они презрительно оглядывали меня с головы до ног. По их мнению, я рядом с Хади лишь потому, что жгуче соблюдаю свой имущественный интерес: у меня теперь, кажется, гора шуб, кофточек и десятков сумок из крокодиловой кожи».

– Ой, смотри, тут похоронен писатель Всеволод Вишневский. Завтра в кинотеатре «Россия» идет фильм по его рассказу «Оптимистическая трагедия».

– Это о чем?

– О революции, конечно! У нас есть еще один рубль, давай посмотрим?

В кинотеатре «Россия» Хади не отрывал восторженных глаз от экрана. Наглость анархистов, красавица комиссар, ее красивые и точные ответы зарвавшимся, хоть и усталым морякам, трагическая участь бескорыстия той далекой эпохи, в итоге – молодые люди из нынешних шестидесятых вышли из кинотеатра с таким светлым настроением, такие чистые, будто омыло их только что теплым прозрачным дождем.

– Как же в России хорошо! – заметил Хади, с удовольствием разглядывая каштаны, листья которых поначалу желтели лишь по краям. Клены вдоль улицы вспыхнули уже золотым пожаром.

– Как здорово у вас ставят фильмы! После такого кино хочется совершать только добрые поступки!

– Да, фильм получил почетный диплом на Международном кинофестивале в Мексике, в Акапулько. Вот бы и туда слетать, чтобы повидать города инков!

– Может, когда-нибудь и полетим!

Хади взял девушку за мизинец, повернул к ней свое сияющее от восторга лицо. И не успели молодые люди сделать несколько шагов вдоль тротуара, как вдруг около них остановились женщины.

– И ты любишь эту свинью? – размахивая сумкой, выкрикнула неожиданно одна из них Анне прямо в лицо.

– Тебе своих не хватило? – заорала другая.

– Шлюха! Шлюха!..

Вся красота дня и даже целой Вселенной мгновенно провалилась в преисподнюю. Наверно, вот так и выглядит ад, когда тебе говорят только гадости, что-то низменное, совершенно не соответствующее тому, что есть там, где день, жизнь, мысли, достижения философии и борьба за лучшее и светлое на земле.

– Проститутка! Морду бы тебе разбить!.. Сколько он тебе платит?

Как в такой обстановке не растеряться, не посереть от того мерзкого, грязного, с чем они в этот момент столкнулись на улице? Молодые люди в ответ лишь подавленно молчали и, не шелохнувшись, стояли перед подлю орущими женщинами, будто заторможенные, ничего не понимающие инопланетяне. А те пытались привлечь к ним как можно больше внимания. Прохожие охотно останавливались, перемигивались между собой, посмеивались.

Первым пришел в себя Хади. Он схватил Анну за руку, вытащил ее из очерченного дворовым, местечковым злом круга, и они поспешили к метро в надежде, что, может, через минуту встретят людей более высокой культуры, более чутких и добрых.

В метро, отчужденные друг от друга из-за уличного хулиганства, они даже не помышляли взглянуть на себя, на улице их теперь разделял уже целый метр.

– Как же так? – бормотал в растерянности Хади. – Компартия присылает нас в Советский Союз, чтобы мы учились лучшим человеческим отношениям, какие уже сложились в обществе при социализме, а в Москве я, оказывается, для ваших людей лишь свинья?

Глаза его стали влажными, глубокими, будто в них заглянули смертоносные лучи далеких планет, на которых лишь вечный космический мрак.

– Успокойся! Дурные люди есть везде, – решила приободрить его Анна. – Неужели и на твоей родине не встречаются дураки?

– Бывает, – неохотно согласился он и поправил темную шапочку своих непролазно густых волос, размышляя при этом о том, как страшен расизм, сколько он убивает людей, как растерзывает чужие мечты о единении и жизни общества без войн.

– Ты что, про Халима забыл?

– Да, в моей стране тоже есть расизм, – неохотно согласился он. – И в Африке... Но наша партия борется с дурными отношениями между людьми. Однако... почти суд Линча в

Советском Союзе... Не ожидал. Какие тогда реальные идеалы у ваших людей? Во всем мире такое уважение к вам, а почему ваши люди оказываются иными, чем это объяснить?

– Если ты учишься в Москве, значит, и моя страна внесла немалый вклад в то, чтобы мир стал лучше. Однако не каждый человек успевает за своим временем.

Эта мысль не успокоила Хади.

– Мне в кафе как-то вместо чая подали... мочу! – с болью в голосе проговорил он. – Я думал, что это случайность, теперь вижу – нет. Наша молодежь рвется в Москву. Если я вернусь домой, как рассказать друзьям, что здесь у людей... длинные хвосты предрассудков?

Анна встревожено глянула на собеседника.

– А я, Хади? И я такая же, как они?

– Конечно, нет! За это я тебя и люблю, – вырвалось вдруг у него.

– Ты?... Любишь меня? – изумилась девушка, но о своих чувствах пока молчала, как боец, который еще не выбрался из разведки и твердых выводов сделать не может.

Как много близких отношений зародилось тогда, когда кого-то обидели? Как много женщин пытались успокоить мужчину в беде и защитить его, будто птица, пусть и слабыми, неокрепшими крыльями?

Так и Анна... У кого получится быть исключением? Если только природу человека изменить. Она же была настоящей женщиной, она за себя не боялась и готова была в своей стране, а возможно, и в целом мире прикрыть его собою от любой неприятности.

А он? Конечно, обнял, расплел ее длинные косы, погладил руки, плечи... И свет как-то незаметно и мгновенно погас в их комнате. В темноте удушливой около раскрытого окна им было куда уютней, чем на красивой, однако не всегда благожелательной к ним улице.

– У вас зимой дома тепло? – задала она первый попавшийся вопрос, лишь бы не молчать, не говорить нынче на волнующее и болезненные для них обоих темы.

– Да.

– Значит, вы за тепло не платите!

– Конечно! Его сколько угодно.

– Здорово! У вас восемь месяцев – жара, у нас несколько месяцев в квартирах без отопления жить невозможно.

– А мы платим за прохладу....

– Как?

– Летом без кондиционеров в доме тяжело. Мы много платим за электричество летом.

– Все наоборот! Какой интересный земной шар! Везде по разному... Каждому народу – свой климат и своя доля тепла.

– Скажи, почему люди разных рас так боятся друг друга?

Вопросов между ними, как всегда, было куда больше, чем ответов, а тем более – можно ли было их на практике разрешить?

– Что нужно вложить в людей, чтобы они не были злыми и мелкими? – размышляла вслух Анна. – Есть ли выход из таких сложных процессов?

– Время решит! – сделал вывод Хади. – Мне кажется, – произнес задумчиво он, – смешение рас и наций – логика Истории. Хоть и очень далекая, однако – логика... Самолеты, поезда, телеграф заставят-таки встретиться и подружить все человечество.

– И тогда! – замечтала вдруг Анна, но тут же оборвала себя. – Зачем... тогда? Давай прямо сейчас построим одну удивительную поликлинику.

– Какую?

В той поликлинике, какой она виделась Анне, не зубы лечат и не рахит. Но очередь в ее кабинеты длинная. Это кукулуксклановцы, какие только есть на свете, – белые ли, черные, из далекого ли штата Миннесоты или из Претории, сидят в ожидании приема у психиатра. Чтобы

избавиться от одной болезни: от расизма, довольно-таки гнусного заболевания, как мерзко все, что пульсирует неоправданной злобой к другому.

И вот куклуксклановцы, какие только есть на свете, превращаются в милейших людей и принимают решение: на высоком холме в большом городе воздвигнуть памятник, посвященный дружбе и преодолению границ между белыми и черными людьми. Может, и возникшей мгновенно любви между юношей и девушкой будет этот памятник? Чтобы сказать все, и этого, кажется, хватит.

Скульптура юноши виделась Анне темной, как газель, из очень пластичного, но твердого материала. А пальцы... Они длинные, хрупкие, их не отбить, не сломать. Да и за что, скажите, отбивать? Неужели только за то, что юноша невзначай потянулся к девушке, у которой светлые, под березу, волосы?

«Почему нет до сих пор на земле такого памятника? – думала про себя Анна, решив, что скульптор непременно получил бы Нобелевскую. Такую же премию получил бы и психиатр».

– Вот мы и встретились, – неожиданно произнес Хади. – Мы с тобой, Анна, по-настоящему встретились вот в эту минуту.

– Как день и ночь?

– Да, как неизбежность этого трудного мира.

– Нет, погоди... Кажется, мы возникли вместе с Землей. В какую-то очень древнюю эпоху. Давай еще пофантазируем? – предложила Анна и представила, как миллион лет назад на северном континенте подули холодные ветры и белые хлопья падали на землю день и ночь. В жилищах из-за холода и болезней стонали женщины, плакали дети... И тогда вождь северных людей объявил племени, что пора им идти в края теплых ночей. Дорогу туда им укажут журавли. Вот и сейчас, слышите, они уже кричат из-за туч:

– Собирайтесь, люди, и вам надо туда, куда несут птиц их крылья! В тех краях – горячие пески, леса – до самого неба, а на деревьях сочные и вкусные плоды.

– Хочу яблоко! – захныкала маленькая Ани и протянула руки к небольшому кусту, с веток которого свисали какие-то желтые и длинные батончики.

– Мы пока не знаем, можно ли это есть! – сурово поправил девочку вождь и схватил ее за руку. Потом указал глазами матери, мол, очень балуешь ребенка, будь строже, к чужим плодам еще надо привыкнуть. – Вначале завари траву из нашей земли.

Но девчонка не стала пить горячий и горький отвар. Она вырвалась из рук матери и побежала вдоль незнакомой реки. Густые деревья у берегов таинственно шептались между собой, хватали пришельицу за коленки и локти, потом к самому носу поднесли огромную гроздь янтарных батончиков. Но стоило протянуть руки, как плоды тут же взметнулись чуть ли не к солнцу.

– Не достать! Совсем не достать! – осерчала девочка, наклонилась было к траве в поисках палки, но вздрогнула от глухого стука: у ее ног уже покоилась спелая гроздь.

Подняв голову, она увидела меж ветвей какого-то странного мальчишку с необычной кожей, как у оленей из ее родных краев.

Катающийся на ветвях мальчишка тоже был удивлен новым знакомством.

– Ты откуда взялась? По всей реке вниз и вверх нет у нас таких людей. У тебя глаза – как осколки неба.

– А у тебя... цвета ночи!

В эту минуту, кажется, притихли все ветры Земли, перестали шептаться звезды, не шевелясь, лежали в своих логовах океаны, прекратили тяжкий бег по саванне слоны. В эту минуту зарождалось нечто такое, что долгие годы потом будет держать людей друг около друга, коли не рядом, так в душах, что будет сближать и отталкивать их, радовать и огорчать, приносить неслыханные победы на уровне одной маленькой жизни и швырять их вниз головой в бездну.

– Эй, возьми еще! – крикнул мальчишка и бросил к ногам девочки еще одну гроздь. Вскоре он спрыгнул с дерева и вместе с Ани начал собирать камни для жилищ новых пришельцев.

Вскоре у людей, глаза которых были цвета неподалеку раскинувшегося озера, возникла деревня, около каждой хижины лежали горкой сушеные плоды, расцвели на полях женщины, шустро бегали дети. Всем было тут хорошо, лишь вождь худел и бледнел.

– Пора уходить! – как-то сурово вымолвил он.

– Опять по звериным тропам с детьми на руках? – возмутилась его жена.

– Молчи, женщина, тебе ведома стратегия лишь одного дня... Леды уже уходят с нашей земли. Вчера оттуда прилетели птицы.

– Так что же?

Вождь объяснил, что для многовековой непрерывности жизни нужны песни, которые народ поет только на своей земле. И звезды познаешь лишь тогда, когда вечерами глядишь на них около своего дома. И деревья каждого жителя деревни должны знать в лицо. Лишь в таком случае все вокруг – это твоя родина.

– Мы задержались. На родине нас уже забыли и белки. В путь!

На поляне засутились. Мать Ани со сборами не спешила. Она понимала, что вначале надо собрать в дорогу душу дочери, потому не стала рассказывать ей о красоте родных лужаек и трав. Она просто обняла дочь и сказала:

– Вы еще встретитесь. Поверь, у тебя есть такая звезда! – спокойно объяснила девочке мать, – глянь, она тебе многое обещает! Не каждому небо светит так ярко.

Ани подняла голову и увидела, что звезда и впрямь уводит ее в мир тайн и загадок. Мир, в котором затаиться бы и ждать.

– Поверь, это серьезно.

Вождю мать сказала иное:

– Как только с места сдвинется тень этого дерева, мы будем готовы.

И когда солнце ушло за баобаб, племя пришельцев с корзинами на головах и с детьми на спинах вскоре ушло с поляны.

– Да, помню, – улыбнулся Хади, – мы еще с тобой на прощанье катались на хвостах динозавров... И видели свое отражение в доисторическом озере...

– Через миллион лет мы опять встретились!

Анна с нежностью провела пальцем по лицу Хади.

– Да, как день и ночь! – согласился юноша.

– Мы встретились. А вокруг нас небо, птицы, библиотеки, книги... – подвела черту Анна. – Вот как много уже сделали для нас другие. Только это мы с тобой и будем помнить!

– Хочу бананы! – капризно топнула вдруг ногой девушка.

Хади кинулся в магазин, за витриной которого виднелись большие гроздья африканских плодов.

В длинном коридоре, в котором двери нескольких десятков комнат, за каждой из которых чья-то жизнь, проблемы, слезы по вечерам или радость, Анна шла с чайником на кухню, как вдруг услышала на балконе спор.

– Что вы девчонке мозги пудрите! – кричала Мила, жена того суданца, к которому часто приходил в гости Хади. – Я познакомила их не для прогулок. Ну, пришли на вечеринку вместе, посидели за одним столом и хватит. Зачем вы ей судьбу ломаете? К чему эти ухаживания?

– Не лезь! – отвечал супруге Мак, аспирант медицинского факультета, живущий в Москве уже с семьей.

Однажды Анна видела, как он поставил на подоконник свою маленькую дочку, долго и нежно гладил ее длинные черные волосы, сквозь которые ярким золотом сверкало солнце.

Разве этот человек, настолько обожающий своего крошечного ребенка, мог бы в чем-то обмануть, ответить невпопад, или просто солгать?

– Что ты суешь нос везде! – нынче весьма грубовато отвечал он жене.

– Хади женат, свадьбу только что в деревне сыграл, – сердито возражала Мила, – а эту девочку оставьте в покое...

Что ответил Мак, Анна не слышала, быстро прошла на кухню, но спокойно пить чай уже не могла. В душе все дрожало, что-то мучило, но вопросы и ответы на личную тему все же казались преждевременными.

– Скажи, в Судане бывает ниже нуля? Ну, мороз, снег... – вечером спокойно, как ни в чем не бывало, спросила она.

– Никогда.

– Тогда у вас листья не опадают на зиму и акации вечно зеленые? – задала она еще один вопрос и оглянулась, услышав шорох за спиной.

В комнате сидел еще один гость. Мак листал книгу, сосредоточенно разглядывал картинки, что-то задумчиво читал.

– Это все-таки твоя жена? – наклонившись над столом, спросила Анна, разглядывая на фото так похожих друг на друга людей.

Хади неопределенно развел руками, а Мак поднялся со стула, подошел ближе к Анне, обнял ее за плечи и мягко сказал:

– Не верь Миле. Это неправда. Моя жена может сболтнуть любое. Женщина есть женщина. Давай ей это простим... На фотографии – двоюродная сестра Хади. А Мила... Она иногда назло мне может выдумать любое.

Потом они втроем пили чай, обсуждали погоду, много говорили о крошечной дочке Мака, уже бегущей по длинным коридорам общежития, о том, что они, южане, привыкли-таки к суровому климату, хотя с нетерпением ждут лета, которое позволит им слетать на родину.

Кому в этот вечер больше поверила девушка? Маку, солидному почтенному мужчине, или его вечно крикливой жене, то и дело спешащей в магазин с авоськой в руке?

Жизнь, реальная, а вовсе не такая, какую хотелось бы выдумать, окружала Анну каждую минуту. Однажды к ней в комнату пришла однокурсница. Высокая, черноволосая, яркая. На стуле – вольная поза.

Год назад они были на первой студенческой практике в районной газете, и через неделю, когда вышли их первые материалы, над ними в редакции очень смеялись. Ольга привезла из колхоза зарисовку о доярке под названием «Тетя Дуся». Анна из другого колхоза привезла материал о телятнице под названием «Тетя Даша». Девчонок на планерке разнесли в пух и прах, и клички дали им по названию их же материалов. И только в Москве они чуть-чуть примирились с этим первым в своей жизни промахом.

Ольга вначале дружелюбно спросила, что пишет мать, по-прежнему ли братишка ест на уроках под партой селедку, исправил ли тройки другой? Спустя мгновение посерьезнела.

– Мой тебе совет: брось ты этого черного! – заявила она. – Наши ребята просили передать это. Мол, ни к чему тебе сплошные Гавайи, тропики, всякие отсталые люди из джунглей...

– Что это за танец с саблями? – сердито спросила Анна. – Ты ведь тоже не русская, кажется, приехала в Москву с Кавказа. И мне сказать Николаю, чтоб он бросил тебя?

– Попробуй только, – мгновенно поднялась Ольга со стула. – Пасть порву... – зашипела она. Огонек сигареты дрогнул в ее руке, описал круг, мол, знаешь, что будет? Дескать, брать за горло можно лишь мне.

И ломала чужие жизни лихо, безжалостно, не позволяя, насколько это было в ее силах, состояться чужим отношениям.

Холодно распрощавшись, незваная гостья, чтобы не получить в ответ сдачу, стремительно двинулась к двери. И прежде так было: сделает кому-нибудь гадость... с милым смешком, с прибаутками, а сама уже далеко. По принципу: спина ответа не услышит. Потом долго избегает того, кого будто невзначай посетила.

– Он уедет, на тебе же потом никто не женится, – зло кинула она в дверях.

– Около моей комнаты стоит очередь из женихов?

Но вопрос этот Анна задала уже только себе. Ольга испарилась, будто ее и не было.

«Конечно, лучше всего те отношения между мужчиной и женщиной, которые не вызывают отторжения у окружающих», – оставшись наедине, обдумывала Анна на страницах своего дневника ситуацию и благодаря этим регулярным записям понимала, что взвалила на себя трудную ношу, проблему, которую ни одно общество в мире еще не смогло и не захотело решить. Потому на такие пары каждую минуту косятся все, кому не лень, и все время спутник или спутница, в зависимости от региона, южного или северного не нравится другим... – Так жить невероятно тяжело. Но что я скажу Хади? Мол, сгинь, будто и не было наших бесед, наших тонко и сложно завязывающихся отношений? Сгинь, потому что этого захотели другие?».

– У тебя завтра день рождения, – напомнила вскоре Ольга и заявила: – если на этой встрече будет этот черный, мы все выйдем из комнаты.

В ответ Анна пожала плечами. Ее далекая прабабушка в середине девятнадцатого века вышла замуж за молодого украинца Кондрата, который в их деревне клал печи. Молодая пара переехала из российской глубинки в Малороссию. Четверо детей уже появилось у этой скромной пары: мальчик и три девочки. Но когда рядом с украинским селом начали прокладывать дорогу, на стройку прибыли бывшие односельчане Марии. Мужики все были отчего-то с высокой температурой. Сход выделил им хоть и холодную, но отдельную хату. А Марию предупредили:

– Не ходи, там чума.

– Но как оставить больных без еды? – наивно удивилась она и тайком ночью все же пошла к умирающим с горшком молока. Через неделю еще один гроб в этом селе увезли на санях в пургу.

Об этом поступке далекой, не умеющей предавать прабабки, рассказала Анне в детстве ее бабушка, которая с пяти лет росла лишь на руках отца.

– Я всех пригласила, а кто не придет, это ваше дело, – услышала в ответ Ольга. Огонек сигареты у гостьи отчего-то нервно опустился, но через мгновение взметнулся к ее лицу:

– Учти, каждый день потом у тебя будет черным... Решай сама, – уже в коридоре кинула она через плечо.

«Нам с Хади родиться бы лет через пятьсот, – обдумывала Анна после этого не очень приятного визита: – когда люди будут добрее, легче начнут одолевать замкнутость. Но мы с Хади уже нынче есть. Нам что делать? В итоге сказать ему: пошел вон?.. Жаль, что к таким союзам и на улицах, и в своих душах люди еще не скоро привыкнут...».

Утром на лекции Анна внимательно оглядывала ряды и прикидывала, кто же передал ей черную метку? Однокурсники, подтянутые, хорошо одетые, холеные, писали, читали книги... Анна в тот момент тоже читала, писала и думала. Думала о том, что четыреста лет прошло с той поры, когда впервые от берега Слоновой Кости отчалила каравелла, груженная черными страдальцами. Сколько за это время ушло с земли трав, рассылалось в прах изб, храмов, домин, сколько обломилось и рухнуло деревьев. Почему же до сих пор не ушел, не упал, не обломился и не рассыпался в прах... расизм? Нам же нечего делить. У каждого свой континент и своя страна. У нас границы – только цивилизационные. Люди приезжают к нам учиться, посещают музеи, с удовольствием смотрят наши фильмы. Экспедиции геологов, географов, геодезистов

посещают их страны. Нам всего хватает на нашей Земле – неба, воздуха, луны и воды... Не хватает лишь малого – высокой жалости и сострадания друг к другу.

В конце декабря вдоль Кропоткинской везли со склада на двух грузовиках огромного Деда Мороза. На первой машине ехала его борода, на второй – голова с красной морковкой носа и смеющимися глазами. Снег припорошил морщинки на лице из папье-маше, отчего казалось, что Дед Мороз одними только глазами желает всем прохожим хорошего праздника и здоровья.

В витринах магазинов уже блистали игрушки, на тротуарах валялись оброненные кем-то ветви хвой, а еловый запах сопровождал почти каждый автобус.

У главного входа МГУ тоже готовились к празднику: развешивали гирлянды, тщательно натирали паркет.

Наконец-то между колоннами загремела музыка липси, вздрогнули в такт мелодии огромные люстры, под ногами хрустнули еловые шишки.

Хади увидел Анну, но танцующих было так много, что прежде, чем он взял ее за руку, уже прозвенели куранты на далекой Спасской башне.

– Я добирался до тебя целый год! – пошутил он и предложил:

– Пойдем танцевать!

Девушка кивнула головой и через мгновение они толкались в длинном и тесном ряду движущихся пар.

Танец африканцу был по душе. Он хлопал в ладоши, заливался смехом и двигался так ритмично, будто с пеленок был обучен этим движениям. Когда поплыла тихая спокойная мелодия танго, он с грустью произнес:

– Это мой последний бал в МГУ. Жалко все-таки расставаться с вашими снегурочками и елками. У нас такого не бывает.

– А Новый год?

– Новый год бывает везде. Мы теперь и Новый год празднуем, и День Независимости одновременно.

– Как символично!

– Да. Каждый год несет иную жизнь моей стране. Это наше огромное достижение. Однако сегодня мне хочется вспоминать другое...

– Что именно?

– Как я приехал в Москву... Выучить русский язык, думаешь, было легко?

Хади уже с юморком рассказывал, как поначалу говорил на родном языке Анны.

– Меня попросили, дай закурить... Я ответил, что я не курица! Девушке как-то сказал, что она длинно и продолговато танцевала.

У колонны, совсем как живая, стояла декоративная снегурочка, внимательно и с любовью поглядывая на людей, движущихся под высокими сводами: и на белых, и на черных, на китайцев и вьетнамцев, кубинцев и перуанцев. Кажется, вместе с нею все обожали доступность и понятность этого праздника. Наверно, это единственный праздник в мире, который не делит людей на расы, национальности, страны и континенты. Около елки нынче пляшет охотно каждый.

«Что еще могло бы объединить людей в их желании никогда не ссориться друг с другом, не отнимать у кого-то жизнь, хижины, острова?», – обдумывала про себя Анна, но ответа пока не находила.

Бал близился к концу. Серпантин устало свисал с елки, оркестр расходился. По залу едва плелся музыкант с контрабасом в руках.

– Когда-то я говорил, что весь вечер танцевал, не покладая рук! – вспоминал Хади первые разговорные казусы своей жизни в Москве.

– С Новым годом! – то и дело поздравляли друг друга студенты. Набившись битком в лифт, они еще напевали только что проигранные оркестром мелодии. Кабина сразу неслась вверх, оставляя далеко внизу чей-то смех, детский плач и зычную команду дежурной «не сорить!».

В комнате Хади предложил Анне тост за ее родную страну, потом за свободную и в будущем процветающую Африку, за здоровье всех, кто есть в данную минуту на Земле. Они желали, чтоб нигде в этот момент не воевали, не обижали женщин и детей, чтоб никто не был голодным. И чтоб праздники, вот такие шумные и прекрасные, были у всех.

После каникул перед лекцией к Анне подошел однокурсник и тихо спросил:

– Я слышал, что негры воняют. Как ты это терпишь? Ты признаешь только черные фаллосы, а на мой как отреагируешь?

В детстве девушка увлекалась произведениями Ивана Ефремова. Плавание царского казначея из страны Та-Кем по приказу фараона в поисках богатств вокруг африканского континента, описанное в повести «Путешествие Баурджеда», удивительное описание подводных садов Лазурного моря, странных ароматов, доносившихся от земли, крепкая дружба людей разных национальностей во имя того, чтобы избавиться от рабства и чужбины, да каждому непременно вернуться на родину... В повести «На краю Ойкумены», есть замечательные слова писателя, вложенные в уста одного из героев: «Я буду верить, что когда-нибудь люди научатся не бояться просторов мира»... Эта мысль произвела на Анну такое неизгладимое впечатление, что она, казалось бы, уже посетила водопад Виктория, побывала в лесах, в которых «гигантские канаты ползучих растений, достигавшие иногда толщины человеческого тела, обвивали спиралями гладкие стволы деревьев, сплетались вверху в исполинскую сеть»...

Встречу с Хади она поначалу воспринимала, как продолжение еще одной, пока что не написанной повести Ефремова, поэтому в его судьбе ей было интересно все. Но в реальной жизни, открылось неожиданно Анне, нельзя верить даже прекрасному писателю. И выходит, что нет никакой связи между реальностью и тем, что пишут даже честнейшие писатели. Любую красоту мира и непритязательность человеческих отношений мерзкая бытовуха непременно так густо обмажет грязью, что в глазах многих людей за любой нестандартный, с их точки зрения, поступок, ты уже – лишь грязное туловище, на позор и досаду всплывшее вдруг из болота. И не жить уже тебе на свете, и загоняют тебя по вонючей жиже и заулюлюкают до полусмерти, как позорную кикимору.

Совсем недавно этот однокурсник читал на литературном вечере свои стихи, в которых была строчка о том, что «все в мире, как в квартире».

«Пронеси, господи, жить в такой грязной и склочной квартире», – думала нынче девушка, с неприязнью поглядывая на странного и недалекого поэта, для которого человек, в противоположность необъятному миру Ивана Ефремова, уместился лишь в безобразной клоаке малого пространства, и такого зловонного, что ютиться в нем нормальному человеку просто невозможно.

Анатолий, кажется, никого вокруг себя не любил, ни одной своей любовью не гордился, а когда однажды на факультет пришла молодая женщина с большим животом и скромно ждала его у входа... У поэта тут же умерла память. Он прошел мимо своей возлюбленной, будто мимо невидимого фантома. И даже с факультета ушел, лишь бы его никто больше не искал. С великим религиозным чувством он относился, видимо, только к собственному фаллосу.

Однажды Анна, будучи в гостях у Хади, спросила:

– Почему женщины на твоих фотографиях, мать, сестры, даже маленькие девочки, все в платках? У вас очень жарко. И почему бы им не показать красоту своих волос?

– У нас такие обычаи. В мусульманских хрониках говорится: однажды за ужином друг Пророка Омар возмутился, мол, мы едим рядом с женщинами, наши руки соприкасаются, а

ведь между нами должна быть какая-то завеса. Так появилась идея о том, чтобы женщину как-то бы отодвинуть от Пророка, и для этого придумали платок – хиджаб.

– Но это унижительно, – услышав объяснение, возмутилась Анна. – Почему женщину надо куда-то отодвигать? Может, в конуру засунуть, как обезьяну неполноценную? Почему ее надо сторониться и стыдиться? Можно ли задать вашей религии кое-какие вопросы: каково с такими постулатами жить обществу целые столетия? И почему женщины не восстали против таких унижительных установок?

– Просто мусульмане не любят, чтоб их женщинами любовались другие.

– Ах да, ревность... – поморщилась Анна. – Желание так унижить женщину, чтоб на нее никто и не взглянул. Страной у вас управляет диктатура ревности, не так ли? Глянь, какие у меня косы! Зачем мне их прятать? Я никогда не надену платок! Среди лета... Да еще в жару!

– Согласен! – кивнул Хади и произнес вдруг самое неожиданное: – У тебя недавно был день рождения. И ты позвала гостей. Сидели мы в комнате вдвоем. Почему?

Закусив губы, Анна молча глядела в стену.

– На тебя ведь тоже пытались накинуть платок. Хотя другого рода и в другой форме, – дал неожиданное объяснение недавним событиям юноша и добавил сердито: – И у вас свои предрассудки. Да еще какие! Даже студенты не успевают за эпохой. Социализм прогрессивен, да, но ваши люди его, как Космос, еще не освоили. Так что воспитывать долгие годы надо почти все народы.

Согласившись с правотой выставленных, будто щит, доводов, девушка поднялась со стула. Хади поцеловал ее на прощанье и сказал:

– До встречи! Обдумай, о чем будем спорить завтра...

В этом непостижимом мире все менялось каждый день. О переворотах в той или иной стране Анна узнавала теперь даже не из передач последних известий, а на кухне, на которой то одна девушка из какой-либо арабской страны плакала, когда мыла посуду, то другая.

Вот поникли студентки из Ирака. В их стране расстреляли президента. После этого в Багдаде шла одна политическая битва за другой. Их устраивала рвущаяся тогда к власти буржуазная партия Баас во главе с амбициозным молодым лидером Саддамом Хусейном. В стране теперь непрерывно летели чьи-то головы, то есть погибали хорошо известные этим девочкам люди, которых они нынче оплакивали взхлеб, даже на кухне с кастрюлями в руках. (Знал бы Саддам, что через полвека линчуют и его.)

Иракская поэтесса Вафия-абу Килам, жившая тогда с Анной в соседней комнате, была в растерянности: ей нельзя было теперь возвращаться домой, где нынче сажали и расстреливали коммунистов. Вафия состояла в компартии.

Появился на этаже пятилетний арабский мальчик. Его мама каждый день, каждую минуту ходила в черной одежде в знак траура по своему мужу, которого в Ираке закопали живьем.

Арабчонок, живущий теперь на Ленинских горах, быстро освоил русский язык, потому при встрече вежливо спрашивал:

– Тетенька, на каком языке с вами разговаривать: на русском, арабском или английском? И делал при этом книксен.

Советские студенты, как правило, без языковой чужестранной среды знавшие лишь свой родной язык, бывали в шоке при встрече с этим маленьким веселым полиглотом. Только мама его никогда не улыбалась.

Погиб в Багдаде и вернувшийся на родину аспирант из института Восточных языков Раззак. Студенты столичного университета как-то забастовали, требуя снижения платы за обучение, а преподаватель их в этом поддержал. Через несколько дней к Раззаку подошли на улице и расстреляли в упор. Шестеро детей его навсегда остались сиротами.

Мир бурлил, и все как-то недобро, грязно. Хорошо знать, что над твоей головой сияет созвездие Большой Медведицы, неизменно плещется Тихий океан, где-то блестит бирюзой озеро Иссык-Куль, и сколько бы поколений на землю ни пришло, небесный Ковш будет каждую минуту свисать над планетой. Хорошо знать, что в твоём городе никто не стреляет, даже по ночам. Не падают под откосы поезда, нет яростных селей, буранов, неожиданных и страшных политических бурь. Значит, у каждого человека есть привязка к вечности Вселенной, к точности жизни и четкости почти всех понятий. Значит, в людском созвездии никого не забудут, всегда оценят чью-то жизнь и труд.

Но, глядя на плачущих арабских девочек, согбенно и безрадостно моющих посуду на кухне, Анна думала о том, как трудно вне системы хоть в чем-то реально помочь человеку. Каково это – в одиночку карабкаться по скользкой и грязной полусфере жизни, ловко сбивая при этом пяткой других? Вот, к примеру, мусульманская полусфера планеты выдавливает из жизни на самую дальнюю обочину своих матерей, дочерей и жен, создавая блага только мужчинам, конечно, за счет рабства женщин. Честно ли это, если за подобное нынче еще стоят миллионы?

Так в чем и как найти четкость понятий в реальной жизни, а не в выдумке, даже если она и всеобъемлющая, как религия, обещающая правдивость и честность человеческих отношений, политологических и общественных, лишь... на небесах? На каком-то... другом свете. Хотя сами проповедники не очень-то спешат к межпланетным тропам в темные холодные сгустки Галактики. Даже во имя обещанного другим миллионлетия! И что может защитить твою жизнь от бесчестия и подлости чьих-то предрассудков? Как оборониться без каких-либо полков и дивизий?

«Почему своих погибающих соратников в других странах не защищает моя страна? – неожиданно вдруг всплыла мысль у Анны, и, как звезда вечером, начала разгораться ярче и ярче. – Почему никто не боится, что за убитого во время переворота сторонника социализма, сторонника земных благ для каждого народившегося в этом мире человека, хоть кто-то будет наказан?».

Прыгающие за окном воробышки взлетели, сели на подоконник, явно подслушивая чужие мысли. Но и они не могли в миг или даже в столетие решить сложнейшие проблемы цивилизации.

Неожиданно покинул Москву Рахман. Его вызвали на родину, чтобы создать в стране первую коммунистическую газету на арабском языке. Компартия поручила ему создать издание, на страницах которого будут писать о бедах дехкан, ремесленников, подсказывать, как справиться с трахомой, как помочь сироте. Восхищаться яхтами и дворцами нуворишей в этом издании не будут.

А Хади вскоре начал писать диплом об отрицательных вероятностях в квантовой механике. Анна исправляла в нем орфографические ошибки. Иногда они отрывались от работы, о чем-то спорили. Потом долгое время в их комнате говорило только... радио.

После защиты диплома роковая черта, которая должна будет отделить их друг от друга, приближалась неумолимо.

О чем думала в ту пору Анна? Она представляла, как самолет, на котором полетит Хади домой, взмлет к рыхлым неровностям облаков, мелькнет над лугом, над поймой, по теплым травам которой бегала она сама во время первой студенческой практики. Потом махнет крылом Анатолийскому плато и длинному, узкому, как корыто, морю, названному отчего-то Красным, хотя в древности его называли Лазурным. Холодное алюминиевое брюхо машины промчит над первым порогом Нила, над вторым, оставит позади себя поле, на которое африканский крестьянин до сих пор качает воду шадуафом, приспособлением, напоминающим рус-

ского «журавля» с противовесом. На берегах Нила до сих пор не принят коллективизм, потому и торчит человек на поле одиноким журавлем целыми днями.

Под летной трассой промелькнет древняя столица Нубии – Фарас. Когда-то в ее развалинах, рассказывал Хади, была найдена прекрасная терракотовая ваза с любопытным рисунком – кольцом из десяти только левых глаз. Нынче древний город покоится на дне Нила под сорокаметровой толщей воды. Но ваза с редким рисунком стоит в музее древностей. По мнению суданцев, столько же глаз, левых и правых одновременно, нужно иметь теперь каждому нубийцу, чтобы выжить в родной стране: военная хунта ввела новую поправку в Конституцию – за участие в забастовках – смертная казнь.

– Оставайся у нас! – предложила Анна.

– Зачем? – спросил он, оторвавшись от работы. – Чтобы мне вместо чая подавали мочу? Ходить по улицам и оглядываться, не ударят ли в спину, не убьют ли в электричке? Задачи вашего правительства меня устраивают, но разве все это принимают? Ваши люди не понимают, что к социализму надо подтягивать весь мир, а для этого самим надо быть гуманнее. Я же слышу разговоры о том, что мы тут лишние, мы – нахлебники, мол, это поле египетское – зерно потом отошлют в Египет, а это эфиопское. Я не иждивенец. Я хочу быть на своем месте. У меня – собственная страна. И еще не хочу, чтоб презирали девушку, которая идет по улице рядом со мной. Мне это невыносимо. Я хочу домой, чтобы свободно жить и заниматься своей работой.

От расизма здорово перепадало и Анне. Как-то в лифте в главном корпусе МГУ ее ударили изо всех сил кулаком в спину. Девушка даже не оглянулась, чтобы Хади не заметил этого оскорбления, дабы не спровоцировать драку, от которой с двадцатого этажа могли бы рухнуть все.

– Хочешь, я еще кое-что тебе расскажу?

Молодой человек отложил страницы недописанного диплома и поведал:

– У нас вокруг Хартума давно нет крокодилов, вывели всех, но откуда ни возьмись, вдруг вылез на берег какой-то один и пополз по набережной... прямо ко дворцу юстиции. Ну и смеялся тогда народ, что даже зверье не выдержало порядков и поползло к правительству с протестом. Как видишь, мне надо скорее туда...

От воспоминаний в теплых волнах нежилось сердце Хади. В холодных, и даже ледяных, тонула в это время Анна. Ей не хотелось расставаться, хотелось удержать его около себя ценою даже безумного поступка: сорвать бы с неба самолет, преградить путь поезду, огромной скалой возникнуть на пути корабля. Лишь бы всегда видеть его руки, тянущиеся к ее косам.

А что же Хади? На мгновение его взгляд, обращенный к Анне, стал каким-то щемящим, но через минуту... будто ничего не происходило.

Представив, что она для него отнюдь не Галактика, не целый мир и даже не осколок от этого мира, Анна поежилась, но взяла себя в руки и через минуту уже казалась спокойной. Хади рядом тоже был весел, добр, сдержан. А руки его, что так любили мять холодный снег в глубине оврага над Москвой-рекой, вовсе не вздрагивали. От разговора с Анной он не собирался смягчать, ломаться, будто белые чугуны, ровно по краешкам.

– Ну, скажи хоть что-то, – молила про себя Анна, думая о том, что она собственными глазами видит, ведь не чужая она ему, не с соседней же лавочки на лекциях...

– Боюсь я за тебя, не выживешь ты у нас, – сказал как-то задумчиво парень. – Знаешь, какая жизнь у нас?

– Какая?

Арабы любят гулять вечерами по тротуарам вместе с детьми и женами. Перекинутся парой слов с соседом, знакомыми. Спросят о здоровье всех членов семьи. Посплетничают. В любом городке страны повсюду ресторанчики и кафе, но... за столиками только мужчины.

– Шагни ты в кафе одна, тебе стакана воды не подадут. К тому же ты не имеешь права идти по улице одна. С тобой всегда должен быть мужчина, даже если ему только шесть лет...

– Как? Что это за унижение? Почему у вас женщина как запретный пол, как существо из-под полы, хуже рабыни? В этой традиции много подлости. Да я бы...

– Что ты?

– Коль вам так не нравятся женщины, я увела бы их всех в другую страну. Или на другой континент. К нам в леса, в тайгу. Бегите тогда за ними тысячи километров!

– Может, и на другую планету?

– А что? Планета Нибиру подходит. Вот и живите без нас! Ваш мир не достоин женщин...

Хади хохотал минут пять, разводил руками, садился на стул, вставал, опускался на диван.

– В тебя двух дерущихся крокодилов подсадили? У тебя пропеллер впереди? – наконец-то проговорил он. – Да тебя у нас тут же прихлопнут. Наша жизнь и ваша – несовместимые миры. Поняла теперь, почему я за тебя боюсь? Ты же активная... Ты нигде не сможешь присмиреть.

И на этот вопрос она, окаянная, виноватая лишь в том, что в его жизни есть, не смогла ответить. Чувствовала только, что любила бы его каждую минуту, а уж тем более – обездоленного, обиженного, все равно же – вдвоем, хоть в мыслях, но вдвоем, и придумала бы, в конце концов, что-нибудь. Шила бы, вязала, учила бы ребятишек русскому языку, писала бы книги, собирала хлопок... Миклухо-Маклай выжил, кажется, в более трудной ситуации.

Словом, Анна по-прежнему за себя не боялась, а он тревожился за нее как за ребенка. Через мгновение на теплой ладони парня лежала брошь: из светлой кости какого-то африканского зверя – бегущая по саванне лань.

– Бери. Ты на нее похожа. Такая же стремительная и нежная, – проговорил с грустью он.

В огромном доме в двадцать этажей, главной неприятностью в котором была крикливая комендантша, жизнь девушке казалась мелким парным морем: все можно переплыть, перепрыгнуть, уехать куда угодно и пойти куда хочешь. Потому при любом сопротивлении она сжималась как пантера, готовая к яростному натиску, мол, прекрати отказываться от меня, прекрати возводить между нами границы, самые настоящие, государственные, с часовыми, постами и глубочайшими водоразделами. Однако вопросы Хади были так разумны, так оправданны, что у нее мгновенно опускались руки: конечно же, он прав, жизнь и впрямь не оставляла им ни одного приемлемого хода.

– Какие-то мы с тобой поперечные, целому миру и во всем поперечные! – бросила в сердцах девушка.

Обидевшись на весь земной шар, она повернулась к двери и пошла к себе. Через минуту увидела, что за ее спиной шагает Хади. Так они непрерывно и ходили друг за другом, то он за нею – на север, то она за ним – на юг.

Оставшийся апрель с весенними проталинами пролетел за несколько минут. Как только из Африки вернулись грачи, Хади защитил диплом о проблемах квантовой механики и купил билет на самолет. В этот день вспыхнула в оврагах черемуха и засиял вдоль дорог жасмин.

– Возвращайся, – просит Анна. – Мы опять будем кататься на коньках, бегать на лыжах и долбить науку. Только не забывай русский язык, – продолжает она и шутливо добавляет, – а то вновь будешь... облизывать картины с маслом.

Весенний дождь вымыл ракитник, хрупкие ветви ив и экспресс, который шустро бежал к Шереметьевскому аэропорту.

– Береги себя, – просит Анна.

В аэропорту дикторы на многих языках мира объявляли посадки на лайнеры, улетающие во все концы света. И как же интересно было в этом зале! Сновали женщины в сари, мужчины в тюрбанах. В длинных шелковых платьях стояли китайки. Проплыло мимо африканское бубу. Ну, тебе музей, двадцатый век в разрезе, словно геологический пласт. За несколько часов тут

можно столкнуться с людьми разных рас и наций, вероятно, и многих философских воззрений, скорее всего, именно тут можно понять сущность всего того, что происходит нынче в мире.

За окнами нарастал гул самолетов, сквозь который с большим трудом до сознания Анны прорвался голос диктора, объявившего о посадке на лайнер, отправлявшийся в далекую Африку.

– Тебе пора, не забывай меня!

Хади привлек Анну к себе и в последнюю минуту тихо вдруг произнес самое для нее желанное и сокровенное:

– Жди меня! Я вернусь... Непременно к тебе вернусь! Мы с тобой не расстанемся.

Анна по инерции еще шептала последние напутствия и не сводила взгляда с Хади, который уже поднимался по лестнице и махал рукой до тех пор, пока не исчез за тонкой стеклянной дверью с надписью «выход». Дверь качнулась за его спиной и замерла.

«Выход из Советского Союза, – подумалось Анне, а следующий вопрос возник поневоле сам: – Что же его там ждет?».

В это время усилился гул моторов на взлетном поле, потом послышался гул самолета. Наконец в небо устремился тонкий ровный звук улетающего лайнера. И лишь тогда Анна поняла всем сердцем сказанное ей несколько минут назад: «Мы с тобой не расстанемся!». Значит, таки «жди»!

И уже виделось ей, что Хади прилетит в такой же синий день. Дождь также вымоет улицы, дома, деревья, и мир будет чистым, прозрачным, как нынче. И вздрогнут веточки Шереметьевского леса от радости тот момент, когда в Москве совершит посадку его самолет.

Через некоторое время из далекой Африки пришло письмо. Хади говорил о себе, о том, что он каждое утро выходит на поиски работы, а ее пока нет, оттого он уже член профсоюза безработных.

На стенах домов в городе то и дело встречаются лозунги: «Требуем работу! Работа – основа прогресса».

Еще писал, что очень скучает по Москве, университету и уже чувствует, что его лучшие годы прошли в Москве.

«Когда вечерами приходит друг, мы часто спорим о путях развития нашей страны. Каждый из нас верит, что она все-таки пойдет по пути демократии и прогресса. После его ухода, когда на душе становится пусто, я вынимаю твою фотографию и долго гляжу на тебя. На ней ты такая же милая и веселая. Пока не ясно, – добавлял молодой человек, – когда я вернусь в Москву, ясно одно: я непременно вернусь...».

В ответ Анна написала, что ждет теперь не только его, но и ребенка, а он уже сделал первые успехи: зашевелился на целую неделю раньше. И в этот день солнце подарило ему свое тепло, яблоко – витамины, птицы спели лучшие песни и даже река за окном потекла медленнее, чтобы прислушаться к его только что зародившемуся дыханию. Анна тоже отдает ему лучшее – настроение, чувства, и каждую минуту – думы о нем.

В письме были подробно описаны дорожки, на которых она каждый день теперь дышит свежим воздухом у реки, пролетающие мимо птицы и заблудившиеся на юге Москвы облака.

В ответ вскоре лег перед Анной долгожданный конвертик: «рад получить сообщение, что у меня будет наследник! Надеюсь, что это будет самый талантливый в мире малыш и первый свой крик он издаст по-арабски, а слово «мама» скажет по-русски. Ребенок мой, и никаких гвоздей. Все мои чувства с вами!».

В больнице – только и разговору, кто как рожал. Жена милиционера Надежда с удовольствием рассказывает, как во время родов она намотала на руку халат акушерки, чтобы не отпу-

стить от себя ни на минуту. На других – плевать. Перед этим же позвонила начальнику мужа и потребовала, чтобы тот обеспечил в родильный дом телефонный звонок аж... с Петровки.

Досталось на орехи мастеру спорта Татьяне. В трудную минуту она так напряглась, что оторвала железные поручни на каталке. Теперь ее ругают даже санитарки.

Многие медсестры сердиты на Кумари из Индии. Во время родов индианка скандалила больше других и била акушерку ногой, чтобы та не вздумала приблизиться к ней. Роженица – из высшей касты, потому роды, с ее точки зрения, имел право принимать только... главный врач. Который, кстати, ради нее и примчался в больницу среди ночи.

Но трудности уже у всех позади. На руке у каждой женщины – крошечный браслетик с номером и датой рождения ребенка. Заходит няня, выкрикивает имя Кумари, подносит ей огромные розы в метр длиной. Надежда получает банку черной икры. Татьяне передали гвоздики.

– К вам пришла Ира, – наклонилась над Анной няня, – что передать?

Анна ничего не может передать. Горло ее сдавлено и слезы, как градины, шелкают по лицу, рукам, одеялу.

– Ничего не надо передавать, – с трудом выдавливает она. – Не надо цветов. Он умер, мой мальчик.

Тут она заметила браслетик из клеенки и марлевых тесемок, который уже не обозначает того, что на нем написано – ни имени ребенка, ни его будущей жизни, заметила его, бестолково болтающийся на руке, осторожно развязала и положила на тумбочку.

Остальные роженицы в белых косыночках, обладательницы на земле самого заветного, виновато прячут глаза кто куда. Они проскочили, удачно прорвались сквозь все трудности, а вот Анна...

– Устала, – сказала она акушерке, потому что уже целые сутки лежит в предродовой, желая в эту минуту одного: хоть бы часок вздремнуть.

В палату приходят женщины: одна, другая, третья, охают, кричат, вскоре исчезают за таинственной дверью. Кроме ее одной.

На Шаболовке в этот день пробовали воздействие наркоза на женщин во время родов, и акушерка, желая помочь писавшему диссертацию будущему медицинскому светилу, сказала Анне.

– Дам я вам наркоз. Часок поспите, а потом рожать...

И чтоб никто не мешал, отвела роженицу в дальнюю палату. Но вскоре кончились часы ее работы, а следующая медсестра, возможно, и не знала, что в дальнем углу коридора уже зарождается чья-то трагедия.

Анна спала как бизон, целых шесть часов, как большой тупой мамонт, уснувший навеки в вечной мерзлоте, а иначе как понять, почему она лишилась вдруг чуткости, почему не услышала, как один на один бьется за жизнь ее ребенок, что ему плохо, он задыхается и умирает?

Охнув, акушерка схватила его за ножки, подняла вниз головой, шлепнула по золотистой попке.

Мальчишка молчал. Ему дали еще порцию шлепков, подбежали с огромным шприцем и он, очнувшись, наконец-то засипел. Не закричал, не загорланил, а засипел: ему слишком долго не помогали, когда он шел к людям, забывчивым и не всегда добросовестным.

– Ребенок очень тяжелый, – наконец-то проговорила акушерка, и беда опять начала вползать в его жизнь: побежали за кислородной подушкой, кинулись к тазу с водой. Мальчишка мучительно сипел в детской еще одни сутки, потом зашла в палату медсестра и сказала Анне, что спасти его негуманно, мол, врачи сделали все.

– Что же вы натворили! – подняв голову с подушки, выкрикнула Анна. – Если бы вы знали, что вы натворили!..

Она упала на подушку и забилась в истошном крике.

– Что вы так переживаете, еще родите! – как-то некстати и не совсем удачно проговорила и нянечка около скорчившейся от страданий Анны, которую ломало от боли и крутило от гневной мысли, что вот она, будущая мать, отмерила своему ребенку жизни столько, что целому македонову войску хватит. Включила в его бесконечные дни путешествие на Гаити, Яву, уйму талантливых книг на его полку уже поставила – Бальзака, Сартра, Толстого... Изучи все, но выбери только доброе отношение к людям... Придет твой час, полюби синеокую... И никогда не обижай...

И вместо этого огромного объема жизни у сына – лишь один закат и несколько лучей солнца на пылающих яростным багрянцем кленовых листьях.

– Уйдите! Немедленно уйдите! За такую работу вам руки перебить надо! – кричала Анна. Но медсестра, бедолага, отвечающая в эту минуту за чужую неряшливую работу, упорно не уходила, будто догадывалась, что боль эта будет кричать в душе Анны целую жизнь. Как вскоре начнет биться и другая, почему письма из Африки перестали приходить в Москву даже на слонах? Неужели ее в жизни Хади развеяли ветры, выполоскали дожди, уже занесло песками?

Впрочем... Если два человека не смогли толком встретиться, какие претензии могут быть ко всему человечеству? И к тем же пескам. Выходит, что и впрямь люди заточены в свое время и перепрыгнуть его не способны. Вот и они с Хади не смогли перелететь через свою эпоху, чтобы попасть в какой-то неведомый, далекий, очень добрый и человеческий по отношению к ним мир. Так что отрицательные вероятности бывают не только в квантовой механике.

Катастрофа – это не только тогда, когда падают с колеи поезда, но и когда катится под откос душа. Одна-единственная. Обычная человеческая душа. Вовсе незаметная для других. Катится, путается в траве, ищет какие-то корни, чтоб уцепиться, спастись, но как это получится, если так далеко улетает от тебя вся прежняя жизнь. Что тут можно найти?

Вроде еще мерцает над головой по ночам Большая Медведица. Замирая на перекатах, не очень-то спешит к морю река, вновь сияют на клумбе ромашки... Но вокруг тебя все какое-то чужое, все не то. И не для твоего настроения эти цветы, не для твоего нового хода жизни прежние радости.

Хилый, корявый росток, мало радующий других... Вот такой даже себе виделась нынче Анна.

Возможно, виделась она теперь такой и другим: вдруг перестал здороваться в коридорах общежития физик Мухаммед. Высоко подняв голову, он величественно и спокойно, будто верблюд, проплывал мимо. Любимчик университетской дирекции мгновенно решил, что знакомство с ней ему теперь ни к чему. Анна общалась нынче с ним на страницах его только что изданной книги. В ней он писал о том, как хорошо живется иностранным студентам в Союзе, а лично он просто обожает советских людей.

Ловким незаметным ужом проскальзывал мимо Анны Халим.

Но Рая, девушка философа Фарука, сама напросилась в гости. И заплакала, как только оказалась на стуле.

– Что случилось, где твой Фарук?

Рая долго сидела в обнимку с сахарницей.

– Понимаешь, – наконец-то заговорила она, – мы с ним расстались.

– Как так?

Высокий красивый парень с яркими, как у газели глазами, мгновенно встал перед глазами Анны.

– Он сказал, что с женщиной своей национальности ему будет лучше. Потому что европейские женщины очень вольные.

– В общем, вернулся в каменный век, – с юмором заметила Анна.

– Не совсем так, – вытирая слезы, возразила Рая. – Он начал утверждать, что я не буду его ждать, когда он окажется в тюрьме. Боится, что я не буду ему верной.

– Заранее испугался? Вроде как – превентивно...

– Выходит, что так. Как будто для него, революционера, женитьба на иностранке – это авантюризм в любви. Встречаться – не авантюризм. Остальное, видите ли, афера. Теперь однокурсники надо мною смеются, мол, ну что, шлюха для черного, получила от него же по морде?

Что могла ей ответить Анна? Что могла противопоставить такому шовинизму в личных делах? Как возразить против бессовестных и железобетонных аргументов парня с феодальным мышлением? Неужели и впрямь бывает в личной жизни возврат в пещерный век?

– Может, не любил?

– Не знаю.

Рая совсем пригорюнилась. Анна жалела о том, что в этот момент не было рядом с ними Стендаля с его острой мыслью во взоре, чтобы писательским взглядом окинуть ситуацию и написать бы еще одну главу для нового романа «Белое и черное». В которой бы отметить, как чернокожий юноша свое обычное личное предательство выдает едва ли не за подвиг. Как привыкшие встречать неприятности по отношению к себе в другой стране африканские парни беззастенчиво причиняют уйму боли тем, кто их полюбил, принял, помог во всем, в чем только мог.

Понимают ли они, что расизм, который обрушивается на них в других странах, обрушивается и на головы их возлюбленных? И за что девчонкам такое терпеть, когда с ними и любимые поступают не по-людски? Ладно бы, когда одна беда на двоих, это хоть как-то, но одолеть можно, но за что им, хрупким, беззащитным, нежным и очень честным по отношению к своим избранникам, платить за расизм уже и после разлуки? Почему эти ребята, ради счастья которых поднялись на баррикады женщины, дернули с этих вершин первыми?

Если Фарук понимал, что Рая для него – лишь сезонный листок на ветке, обреченный в любой момент упасть на землю, под чужие ботинки, стоило ли тогда, будь он предельно честным человеком, вступать в такие сложные и трудные для обоих отношения? Значит, парень, живя в другой стране, бессовестно использовал чужую жизнь, заходя ведая о том, какую беду потом принесет девушке.

«Может, правы были мои однокурсники, когда прислали мне черную метку? – обдумывала Анна уже совсем иной ракурс той же ситуации. – Может, они заботились обо мне, вот так просто, по-племенному, на примитивном уровне, мол, это наше, не трогать?».

Тогда выходит, что права обоюдная беспардонность. И правы те, кто делит людей на белых и черных, бедных или богатых, сильных и слабых. Тогда можно жить без идеалов, и бунт, в противовес Сартру, не всегда прав? Можно, выходит, принохаться к любому свинству, что и делало человечество в расовых вопросах много веков. Не совсем смиренно, конечно, но жило ведь как-то. Жило, как получалось, без какого-либо уважения к Копернику, Джордано Бруно, к изобретателю Тесле, который первым на земле подал постоянное электричество в дома, а банкир Морган вышвырнул физика из офиса и разорил его лишь за то, что ученый хотел продолжать свои опыты по беспроводной передаче энергии на далекие расстояния.

А за что убили Мартина Лютера Кинга? За идеалы же...

Но без них как жить на планете? Любоваться намордниками религиозных средневековых палатей, грязными ордами Чингисхана, черными эсэсовцами?

В страницу Истории Анна навсегда вписала бы свой постулат: без идеалов – не жить. Ни утром, ни вечером. Ни в нашем веке, ни через десять веков. Ни в море, ни в поле. Без идеалов любой простор окажется склочной кухней или местом для побоища во имя чужой алчности и зависти. Без идеалов человечество – просто помойка. В лучшем случае. В худшем – нагло поднесенный к чужому подбородку кольт. И на знамени каждой жизни должен быть вписан признанный всем человечеством идеал – светлого отношения к другому.

– Не огорчайся, – сказала Анна на прощанье подруге. – Ну, не повезло, явно не тот человек встретился. Пусть тебе поможет мысль о том, что у нас учились не только предатели. Слышала что-нибудь о Рахмане?

И напонила: Рахман вновь прилетел в Россию, тайком, через три границы, потому что жил в это время не у себя на родине, а по заданию партии – в чужой стране. Но когда он узнал, что его Лена родила сына, тут же оказался в Москве, и они уже вдвоем вылетели к нему на родину.

Для Раи ничего из прежней жизни уже не имело значения. Она в этот момент вырывала из себя прежние чувства, будто дикую яркую лилию, прямо с корнями, вплоть до мельчайших нитей, которые обычно не летят за стеблем, а остаются в почве, чтобы дать жизнь еще какому-нибудь ростку. Но какие могли быть тут ростки, если вчера Фарук уже видели с другой девушкой? Родом из той же страны, что и он сам.

Поговорив немного о деревенском житье-бытье, – Рая работала директором сельского Дворца культуры и приезжала в МГУ на сессии, – она попрощалась и, словно птица с истерзанным крылом, медленно вышла в коридор. Больше ее в МГУ никто не видел. Зато каждый день на лестничных маршах встречался Анне Фарук со своей молодой женой.

Не общаясь с девушкой ни одного дня, он женился на своей соотечественнице, студентке из медицинского института. И теперь, когда шел рядом с Фатхией, то и дело приотставал на шаг, другой, чтобы полюбоваться статной фигурой своей чернокожей жены. Фарук с удовольствием разглядывал ее платье, руки, локти. Вскоре у них родился ребенок. И молодой муж с удовольствием носил картошку, стирал белье, гладил пеленки. Прошлое в его жизни, будто обмелевший пруд, затянулось мгновенно.

Студенческие годы закончились. Анне тоже выпадала иная жизнь. Жить ведь приходится всегда, даже тогда, когда идеалы твои утонули, будто железки в пруду. Горе, как островок, обходить как-то надо. Потому она – в районной газете.

По ночным улицам этого маленького городка бродили стреноженные лошади, щипая густую траву у обочин. Каждый житель имел тут большой сад или огород, где проводил на воздухе почти все свободное время. О засохших отмирающих цветах огурцов люди говорили в этом селении так долго, что этому посвящали долгие часы у колонки, а сводка погоды – похолодание или надвигающиеся заморозки – вызывала столько же волнения, сколько прежде сводки с военных фронтов.

Потихоньку Анна начала проникаться жизнью городка. Ей нравились луга, начинавшиеся прямо за домами, нравился темневший неподалеку лес. Если ветер дул от него, до городка доносилось слабое кукованье. Оно повторялось несколько раз, потом терялось в высоких соснах. Когда воскресенье выпадало солнечным, обитатели поселка торопились в лес за ягодой, позднее – за грибами. Попробовав жаренку из белых, новая жительница поселка также стала интересоваться сводкой погоды, будто новостями с боевого фронта.

Иногда всплывала в памяти Анны студенческая жизнь, и тогда она прикидывала, почему нельзя в обменном бюро преисподней поменять государства территориями, чтобы придвинуть Нубию ближе к России, и хоть с пика Коммунизма увидеть бы, что происходит в Судане, жив ли Хади, занимается ли уравнениями Шредингера, рассказывает ли на своих лекциях о холодных просторах России, о церквушке у края обрыва над рекой, недалеко от которой цветные вагончики метро по-прежнему бегают над сизым от дымки оврагом?

«А вспоминает ли он меня?» – холодело в такие минуты под сердцем у Анны, потом огромным валом поднималось чувство досады на то, что не сумел он одолеть-таки свою долю борьбы за их совместное будущее, видимо, так и не поняв, что их привязанность друг к другу и есть лучшее в его жизни.

И на одном дыхании, буквально за полчаса, легли в блокнот Анны стихи.

Я думала, что ты – Звезда,
А ты как легкая комета,
Умчался к вечности
быстрее ветра,
И уж на наши белые снега,
Наверно, не вернешься
никогда.
Тебя любой поймет:
В чужой земле оставлена
такая малость,
Забытой птицей
женщина живет,
Дарить которой ты хотел
лишь радость.
Но жизнь сильнее мечты,
От нелюбимых – дети крепче.
Живется с ними легче на земле.
Но почему душа твоя
в чужих аэропортах
От говора русского —
трепещет.
Чего ж глядишь ты
грустно вслед
Спешащим к самолету русским?
Той женщины среди них нет.
И все, что ей не сказано годами,
Опять останется в тебе,
Как в саркофаге душном.

Наступила зима. Дикая и метельная она была как никогда. Вьюги оборвали на столбах провода, накрыли ледяной толстой коркой водопроводы.

Покупая хлеб в магазинах, женщины из окрестных деревень тяжело вздыхали:

– Летошний год озимые погибли. Что будем делать, чем скот на фермах кормить? Опять повысим надои не сеном, а разговорами.

Сани, в которых эти милые, закутанные в огромные платки женщины, отправлялись по своим деревням, трудно и медленно двигались сквозь пургу, густые тяжелые леса, надолго замирали перед крутыми лобастыми склонами.

Через три полнолуния в том же магазине слышалось иное:

– Ай да ну, как хорошо у нас на пригорках. Ветреницы, хохлатки появились. День ото дня ближе к севу. Не упустить бы сроки. Работы много, озимь и впрямь вся погибла.

В полях, уже черневших за поймой, вскоре замельтешили сеялки, вновь кидая в борозды семена, а теплые лучи спешили прорезать жизнь каждой новой былинке.

Однажды Анна шла по полю с агрономом. Оглядев густую сочную зелень у ног, он сказал:

– Вот и найдется теперь чем кормить наших буренок. Засеяли нынче поле суданской травой, а поднялась как у себя дома.

– Суданской травой? – изумленно спросила Анна и наклонилась к светлым метелкам растений, родиной которых была далекая, далекая Нубия!

Какой же волнующей была эта встреча! Она разглядывала стебли с нежностью, будто руки любимого. Даже отступила на шаг, чтобы лучше видеть. Потом с гневом отвернулась: чего вспоминать, когда все сгинуло?

Но не выдержала, рассердилась на свой же гнев, присела на корточки перед этой таинственной, крепкой и мощной травой.

– Да очнитесь же! – напомнил о себе агроном. – Я ничего особенного не сказал. Это обычная тимофеевка.

– Конечно, ничего особенного! – спокойно ответила Анна, уже поняв, что на чужой земле пока что легко приживаются только травы. – «А вот люди... Все у них почему-то куда сложнее».

«Видимо, опять в МГУ арабские студенты в испуге приникли к радиоприемникам», – поняла Анна, когда увидела на своем рабочем столе газету «Правда», а в ней сообщение о том, что в Судане вновь случился переворот.

«Леворадикальные офицеры, – сообщала газета, – сместили в стране президента, взяли власть в свои руки».

В комнату вошел заведующий отделом, материалы которого, есть ли в сельпо мыло, спички, ткани, пряники – нет ли, всегда кончались одной фразой: «Итоги радуют».

– Чего сидишь, дуй в командировку! Двести строк за тобой в номер... Ты уже должна быть на пути «из варяг в греки». Зарисовку о людях привези!

На всхолмленной большой равнине ели смотрятся как забытый с древних времен дозор. Ильмень-озеро, густо-синяя чаша, живет в нем особый судак, ильменский. Такого у рыбаков с Новгородчины во все века и везде покупали мгновенно.

Озеро мелькнуло через два часа. Учебники географии рассказывают, что около пятидесяти рек – Мста, Ловоть, Пола – в него впадают и лишь одна вытекает.

Водителю автобуса хочется нынче добровольно поработать и экскурсоводом.

– Перед нами строение мужского монастыря, – не отрываясь от руля, рассказывал он.

Анна с гневом отвернулась от этих стен. Что же там за жизнь была, коли людям приходилось десятилетиями выдавать себя за бесполох никчемных существ? Когда не погладить собственного ребенка, не положено обнять женщину? Для чего тогда жизнь, если от нее во имя этого «ничего» добровольно отрезать еще и огромные ломти? Жизнь превратила и Анну в такое же бесполое существо, поэтому она понимала, каково приходилось за этими стенами другим. Но чтобы добровольно такое, во имя чего?..

– Существует легенда, что большие деньги на содержание монастыря отпускала одна княгиня, – охотно рассказывал добровольный гид.

Пассажиры сквозь уши пропускают фамилию добродетельной женщины. Лесная чаша сбоку так манит, что хочется удрать к ее холодным низинкам, опустить руки в приозерные лужицы, в которых купаются облака и над которыми летят трели птиц.

– Не буду сидеть с внуками, – охотно поведывала Анне соседка: – Для себя пожить хочу. Водитель еще раз оторвал дремлющих граждан от их полусонных дум.

– Но однажды княгиня не согласилась в чем-то с обитателями монастыря, – бубнил он давно накатанный текст, из-за монотонности которого его мало кто слушал.

– Я только что на пенсию вышла, чего мне с ними сидеть? – продолжала о своем Дина Григорьевна. – Я всю жизнь много работала – не прекращала она свою исповедь.

Как тут не удержаться от нотаций?

– Вы в санатории ездили? – спросила ее строго Анна. – Кто-то ведь и завод для вас построил, чтобы вы ни одного дня не сидели без работы. Кто-то поликлиники создавал, ну и отдайте в ответ должное хотя бы внукам...

– Ни за что! У меня невестка – дрянь!

– Но внуков-то вы любите.

– Не уговаривайте, не буду... Я должна замуровать себя в четырех стенах?

Водитель повысил голос:

– И монахи ее, живую, замуровали в стене.

– Как? – возмущенно вскрикнула Дина Григорьевна и поднялась в кресле. – В этой стене? Живую? Вот хулиганы! За ее же деньги... Не на меня навались, я бы заставила этих бандитов мочалу жевать.

И вот, не жалея реальных, ныне живущих внуков, она жалеет мифическую княгиню из прошлого, чем-то напоминая собою источник, в который на протяжении длинной жизни много чего вливалось, а под конец – ни одного истока реально не изливается даже для внуков.

«Вот тебе и Дина Григорьевна... Такая же эгоистка, как и монахи».

– Ты что привезла? – возмутился редактор. – Мне о тружениках надо, о мужественных людях... А тут о какой-то полоумной бабке. Эгоистов и без нее на этой земле хватает.

– Нужно лишь «Итоги радуют»?

– Ну...

На столе заведующего отделом лежала центральная газета. Наклонившись над нею, Анна увидела на первой полосе – портрет секретаря Суданской компартии Махджуба. С петлей на шее. И виселицу за его спиной.

«Казнили, все-таки казнили. Такого человека... За что?» – в ужасе спросила она себя и опустила руки.

– А если они, итоги эти, не совсем радуют? – тихо спросила Анна своего коллегу, но спросила, конечно же, только себя. Кого в этом райцентре интересовали проблемы далекой африканской страны?

С ужасом на лице читала она репортаж о том, что в Судане – полнейший развал экономики, почти все заработанное страной уходит на оплату лишь процентов от займов, взятых в западных банках. В городах невозможно найти работу, взметнулись цены, и даже такое простое в Африке лакомство, как бананы, становится для детей недоступным, потому что прекратился подвоз продуктов в города. Президент же провозгласил в стране однопартийную систему и разорвал с коммунистами, которые требовали создать правительство «народного фронта», в котором все партии пользовались бы равными правами. Вскоре легальное руководство Суданской компартии было арестовано.

Тогда люди, как описывала газета, вышли на улицы. Офицеры захватили дворец и президента, который потратил двести миллионов долларов на закупку американских танков. Но от кого и от чего защищаться в стране двух Нилов танками? От личинок шистоматоза в речной воде, от суховея? В долинах срочно нужно иное: ирригация. Иначе засуха окончательно разъединит людей и по одному уведет в смерть.

– Мы так и остались рабами! – вещали с трибуны ораторы. – Только гонят нас теперь по пыльным дорогам экономическими плетями. Хотите быть рабами и дальше? Опять в собственной стране жить как за печкой?

– Нет! – кричали люди в ответ.

Ораторы говорили правду, но в очень далеких, донельзя сытых, олигархических кругах планеты решили иначе. В результате... президент чужой страны – Анвар Садат – бросил на Хартум военный десант. Парашютисты, не имеющие никакого отношения к Судану, их предки испокон веков жили в нижнем течении Нила, с воздуха расстреливали восставших. Их убивали даже в водах реки. Также безжалостно, придет время, на центральной площади Египта будет расстрелян на глазах всего народа и Анвар Садат.

В эти же дни отличился и молодой полковник Муаммар Каддафи. Узнав, что в самолете над Ливией в районе Бенгази летят из Лондона лидеры Суданского восстания Бабиер ан-Нур и

член совета майор Хамадалла, он распорядился посадить самолет. Ливийский диспетчер передал на борт, что если лайнер не совершит посадку, то будет сбит. Самолет имел возможность за пять минут исчезнуть из пространства Ливии, но пилот почему-то совершил посадку.

Пленники понимали, что прекращение полета стоит им жизни, но, как сообщили газеты, не могли удержаться от шутки, мол, хорошо бы выпить до посадки еще одну порцию виски – ведь в Ливии сухой закон.

После посадки лайнера руководителей восстания Ан-Нур и Хамадаллу арестовали. Лидер Ливийской революции Муаммар Каддафи, молодой бравый офицер, козырнув в приветствии Западу, преподнес беглецам свою чашу с цикуттой: депортировал их в Судан в наручниках.

Казнили Махджуба, секретаря Суданской компартии, несмотря на обращение Брежнева, на рассвете во дворе тюрьмы, на глазах всех заключенных, которые в эту минуту klokотали яростью, рвали решетки на окнах, кричали от возмущения, пели Интернационал.

Казнили Махджуба в тот день, когда его младшему сыну исполнился год. Президент Нимейри нарочно выбрал этот день, чтоб навсегда отравить жизнь семье покойного, чтоб сын никогда не мог отметить свой день рождения.

Суданских левых, которых сдал Нимейри ретивый Каддафи, повесили в этот же день.

Многих коммунистов в Судане в 1971 году даже не бросали в тюрьмы. Их убивали в квартирах, на улицах, во дворах, на глазах родственников и детей. Жены погибших с детьми на руках убегали в деревни, в джунгли, в пустыню. Их находили и в песках, где до смерти забивали и беременных.

И тогда оставшееся в подполье руководство партии бросило клич: – Не прятаться! Всем выходить на широкие улицы. Страшно? Да!.. Но под ярким солнцем на глазах сотен людей убивать будут меньше. Надо заставить Нимейри бросать коммунистов в тюрьмы. Пусть с вас берут подписки, что вы больше не будете заниматься политикой. Подписывайтесь. Мы уйдем в подполье. Партия должна перехитрить врага.

Компартия действительно перехитрила врага и этой уловкой спасла жизни многим.

Капитал, мерзкое мировое закулисье едино в порыве не терять ни цента от доходов в любой точке земли. Капитал хрустел людскими ребрами по всей планете как хотел. Какова была реакция Советского Союза? Ведь жертв в Судане было куда больше, чем в Чили. В ответ – лишь заявление ТАСС.

Капитал вешал, расстреливал своих противников по всему миру, а советская дипломатия соратников ни в одной точке земли не защитила. Лишь кое-где показала пальцы в растопырку, да слегка постукала ботинком по трибуне ООН. И то какой шок был у недругов лишь от одного этого тычка! А если бы еще прислать флотилию?..

В столичном издании, куда перебралась из районной газеты Анна, ей сказали то же, что и в прежнем.

– Нужен материал о тружениках, о мужественных людях.

Но добавили то, что никогда не произнесут в малой газете:

– Хочешь в Заполярье?

– Еще бы!

В городе, где «олень держит на рогах день», на широте Полярного круга, в гостинице Салехарда ненец Лэми Худи с удовольствием болтал с Анной.

– И живут тут налим, щекур, муксун, – охотно загибал он пальцы, – сырок, язь, горностаи, лисицы, песцы, медведи, осетр. Самые жирные на земле собаки. Котят иногда на рукавицы держим. Живет еще гусь. У меня дикий гусь с собакой оленей загоняют. Прижился Васька у моего чума.

Наконец-то Лэми Худи утомился от собственной скороговорки.

– Тебе куда ехать? В Панаевск? Тогда вместе едем...

– Это далеко?

– Как до Шанхая пешком. Одинаково.

Анна чуть не шлепнулась на пол от удивления:

– Ну и ну!..

– Значит, к Валентине едешь!

– Кто такая Валентина?

Лэми Худи вытащил трубку из рта и изумленно уставился на гостью.

– Не знаешь, однако?

Он порылся в карманах, вытащил какую-то бумажонку.

– Вот, гляди!

– Что? – не поняла Анна.

– Подпись, однако. Валентина – директор совхоза. У нас миллион триста гектаров пастбищ. Представляешь? А я оленивод...

Ночью солнце гуляло по Салехарду, как днем, и мало кто в разгар лета тут спит как в центральной России.

– Завтракала? – спросил Лэми Худи.

Он открыл чемодан, кинул на постель майки, трусы, достал огромную рыбину, порезал, лучшие куски сунул Анне.

– Ешь, твоя держаться надо. «Аннушка» – плохой самолет. Я приехал за дочкой, наши дети часто в лесной санаторной школе на юге живут. Сейчас отвезу ее в тундру. Ты, наверно, врач? Едешь проверять наших людей?

Конечно же, Анна автоматически кивнула и залюбовалась девочкой, которая сидела на койке. Тоненькая, с косичками, с умными глазами, девочка охорашивалась перед крошечным зеркальцем, застегнув в волосы ярко-красную заколку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.